НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ
МЕСТО ВСТРЕЧИ НАЗНАЧАЕТ
ПУЛЯ
80
10000$
120000$
140000$
160000$
180000$
220000
240000
260000$

Алексей Макеев
Николай Иванович Леонов

Место встречи назначает пуля

Серия «Полковник Гуров»

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=166061
Место встречи назначает пуля: Эксмо; М.; 2008
ISBN 978-5-699-28571-6

Аннотация

Скорость пули оказалась выше скорости гоночной машины. Пилот-гонщик выпустил руль из рук, и неуправляемая машина врезалась в ограждение. Дело об убийстве гонщика оказалось едва ли не самым сложным. Полковники Лев Гуров и Станислав Крячко под личиной бандитов-гастролеров проникают в криминальный мир столицы, участвуют в жестких разборках, рискуют жизнью, но в итоге выходят на след убийцы. Вот тут-то дело принимает крутой оборот: чем ближе сыщики к этому неуловимому преступнику, тем ближе пролетают пули. Остается сделать еще один шаг. Встреча с пулей неминуема…

Содержание

МЕСТО ВСТРЕЧИ НАЗНАЧАЕТ ПУЛЯ 4
Глава 1 4
Глава 2 13
Глава 3 26
Глава 4 35
Глава 5 48
Конец ознакомительного фрагмента. 57

Николай Леонов, Алексей Макеев

Место встречи назначает пуля

МЕСТО ВСТРЕЧИ НАЗНАЧАЕТ ПУЛЯ

Глава 1

Михайловский уже подъезжал к месту проведения гонок. Дорога была ему хорошо известна, гонки здесь проходили не в первый раз, поэтому машину он вел не задумываясь, на автомате.

Михайловскому было не по себе. Он был зол, недоволен и раздражен, как будто получил неприятное известие. Ни о чем определенном он не думал, а только ощущал тяжесть на душе и оцепенение во всем теле. Что-то ныло внутри, и он не мог избавиться от этой боли, которую ощущал каждой клеточкой своего тела. Тревога нарастала, мучила и переходила в предчувствие беды. Последнее время такое состояние для Михайловского стало привычным. Он знал, как избежать этих страданий, знал, что всего один укол – и исчезнут физическая и моральная боль. Но днем он уже принял дозу, а повторение было чревато последствиями. Ему только нужно дождаться окончания гонок, и тогда он наконец поправит здоровье. Некогда состоятельный и удачливый профессиональный гонщик, он из-за пристрастия к наркотикам как-то незаметно для себя превратился в никчемного человека, пребывающего в состоянии вечного должника. У него не было ни квартиры, ни работы. Даже машина, на которой он ехал сейчас, принадлежала его старому знакомому, который месяц назад, поддавшись уговорам, подписал на Михайловского доверенность и теперь разыскивал его по всему городу через друзей. Михайловский постоянно нуждался в деньгах. Складывалось такое впечатление, что он задолжал всему миру. Одним из источников его доходов были гонки, которые устраивал в городе бизнесмен Николай Ткаченко. Человек весьма состоятельный, Ткаченко занимался гонками для развлечения, а не для приумножения собственного капитала. И хотя ставки он делал большие, радость ему доставляли вовсе не деньги, а победа как таковая. В сегодняшних гонках должны были принять участие три машины, принадлежащие Ткаченко, одной из них должен управлять Михайловский.

До гонок оставалось полтора часа. Припарковавшись, Михайловский вышел из машины и уверенно направился в летнее кафе. Ему нужно было переговорить с Ткаченко. Он знал, что найдет его там. Разговор предстоял тяжелый. Михайловский понимал, что просить денег у Ткаченко бесполезно, но выбора не было. Он должен был достать деньги сегодня. Во что бы то ни стало… Ткаченко был его последней надеждой.

– Здравствуй, Витя, – окликнул его Николай Алексеевич на полпути и распростер руки для объятий, как будто встретил старого друга. Одной рукой обнимая Михайловского и похлопывая его по плечу, Ткаченко, словно напоказ, громко и преувеличенно радостно продолжил: – Я тебя уже с полчаса жду. Волнуюсь. Видишь, даже встречать вышел. Пойдем, сначала кофейку выпьем, а потом машинку посмотрим.

Они вошли в совершенно пустое кафе, если не считать измученную жарой официантку, стоящую за барной стойкой.

– Лидочка, чашку черного кофе моему гонщику и коньячку мне, – бросил на ходу Ткаченко, направляясь к дальнему столику.

Лидочка была обладательницей длинных стройных ножек и пышного бюста. Она наверняка знала о достоинствах своей фигуры. На ней была розовая, сильно обтягивающая блузка и такая же розовая, предельно короткая юбочка.

– Хороша стерва, а, – причмокнув, сказал Николай Алексеевич, усаживаясь на стул и с удовольствием наблюдая за приближающейся девушкой с подносом в руках.

Лидочка поставила на столик пепельницу, чашку кофе и бокал, в котором было не меньше ста пятидесяти граммов коньяка. Подарив Ткаченко очаровательную, белозубую улыбку и совершенно проигнорировав Михайловского, девушка медленно, покачивая бедрами, удалилась за барную стойку.

– Да, Витек… Плохи твои дела, если на тебя Лидка не отреагировала, – громко рассмеялся Ткаченко. – Она ни одного мужика не пропускает, даже механиками не гнушается, а о гонщиках я вообще не говорю. Если такая баба на тебя внимания не обращает, к доктору бежать надо.

Снова рассмеявшись, он взял бокал с коньяком.

– Бабы на деньги реагируют, а деньги – это ты, Коля, – сухо ответил на шутку Михайловский.

– Ладно, не заводись. Сегодняшнюю гонку выиграешь – и на тебя реагировать станут. – Ткаченко пригубил коньяк. – Хотя тебя давно не девки, а дурь интересует. Ты и сейчас влегкую вмазанный. Я-то вижу. Зрачки с пятак.

– Я утром вмазался. Только чтоб руки не дрожали, иначе за руль сесть не смог бы. – Михайловский вытянул руки вперед так, чтобы собеседник удостоверился в его словах.

– Да не оправдывайся ты. Здесь не «Формула-1», допинг-контроль никто проводить не собирается. – Ткаченко поставил на столик бокал, достал из кармана пачку сигарет и массивную металлическую зажигалку. Прикурил сигарету и протянул пачку Михайловскому: – Попробуй. Мне с Кубы привезли, отличный табак.

– Нет, спасибо. – Периодические приступы тошноты отбивали желание у Михайловского и курить, и пить кофе.

– Не по-детски тебя колбасит. – Ткаченко выпустил струйку дыма в бокал и, любуясь результатом, продолжил каким-то искусственно незаинтересованным тоном: – Ты, Витя, в барахло превращаешься. В любой момент подохнуть можешь. Мне, конечно, на здоровье твое плевать, живи, как знаешь. Но дело страдает. Ты правильно меня пойми, я не бабки имею в виду, хотя они лишними не бывают и терять я их не привык. Я, Витя, о доверии говорю. Сложно становится с тобой. Неизвестно, чего от тебя на трассе ждать. Я на прошлой гонке десять лет жизни потерял. До конца не был уверен, что ты первым придешь. Да и машину ты уделал так, что до сих пор все удивляются, каким чудом она до финиша дотянула.

– Но пришел-то я первым. А накладка была не по моей вине. Лысый сам напросился. Да если бы я знал, что он тоже твою тачку ведет, близко к нему не подъехал бы. Хотя это он меня прижимал. – Нервы Михайловского были напряжены до предела, он был близок к истерике.

– Да ладно, не горячись. – Ткаченко одним глотком осушил полбокала и загасил в пепельнице окурок. – То, что Лысый на моей тачке поедет, я тебе сто раз говорил. Только ты до такой степени обдолбанный был, что ничего не слышал и не соображал, что происходит. Завязывай ты с этим дерьмом. Я не посмотрю, что ты мой любимый гонщик, замену тебе быстро найду.

– Ты кого имеешь в виду? На кого намекаешь? Не на Антошу ли Верницкого? Да этот малолетка под стол пешком ходил, когда я золото на международных соревнованиях брал! – прокричал Михайловский и ударил ладонью о стол.

– Правильно говоришь. Только когда тебя из большого спорта за наркоту выперли, он из-под стола вышел и за руль сел, – спокойно ответил Ткаченко, прикуривая новую сигарету.

Какое-то время он задумчиво молчал, внимательно рассматривая сигаретный дым, потом внезапно и резко, словно прерывая собственную мысль, обратился к Михайловскому:

– Сегодня ставки слишком большие. Поэтому амбиции свои попридержи. Нечего мастер-класс по фигурному катанию устраивать. Хватит, в прошлый раз нарисовался. Так, для виду, чтоб не совсем скучно было, прижми кого-нибудь на старте, потом вперед вырывайся и первым финишируй. Я на тебя много поставил, так уж ты меня не подведи, Витенька.

– Слушай, Коля… А сделай и за меня ставку. Сегодня риска никакого. Ты же видишь, я в форме. Сделай, Коль, одолжение, а я тебе, как все закончится, тут же деньги и верну, – скороговоркой выпалил Михайловский.

Ткаченко усмехнулся.

– Дело не в риске, а в принципе. Ты же знаешь, я денег в долг никому не даю. – Он допил коньяк и, поставив на стол пустой бокал, провел кончиком пальца по его стеклянному краю. Наблюдая за движением своей руки, Николай Алексеевич расслабленным тоном лениво продолжил: – А потом, ты мне и без того должен. Ты что же думаешь, мне ремонт машины после прошлых твоих выкрутасов дешево обошелся? Я и без того тебе очень прилично плачу.

– Поставь за меня, Коля, у меня край. Я тебе после гонок все верну. И ремонт оплачу, если хочешь… А хочешь, я Верницкому на второй круг выйти не дам? Хочешь, он к финишу даже пятым не придет? Только дай мне денег! Поставь за меня, Коля! Мне деньги нужны!

Михайловский захлебывался от переполняющих его эмоций. Казалось, он готов пойти не только на любые условия, но и на любые унижения, лишь бы получить деньги. Ткаченко стало немного не по себе от такого эмоционального натиска.

– Ладно. Успокойся, не ори, – сказал он. – Про ремонт я сказал, чтоб ты не слишком борзел. Да и Андрей так машину залатал, что она лучше, чем новая, стала. Кстати, времени уже много, ты бы пошел, проверил машину перед гонками… А о деньгах сейчас не думай. Финишируешь первым – вернемся к этому разговору.

Михайловский медленно поднялся со стула. Он чувствовал себя совершенно разбитым. Сердце то с бешеной силой колотилось, то замирало, в горле пересохло, а глаза застилала мутная пелена. Он собрался с силами. Опершись руками о столик и глядя на Ткаченко сверху вниз, он очень волевым тоном произнес:

– А с наркотой я завяжу. Сам решил. – И не дожидаясь ответа, быстро пошел к выходу.

– Хорошо, Витя! Ты к машине иди, я сейчас подойду! – крикнул ему вслед Ткаченко.

А про себя подумал, что не в первый раз слышит от Михайловского эту фразу, чтобы принять ее за правду.

Хотя физически, после всего сказанного, Михайловский чувствовал себя немного лучше, однако душевного комфорта он не испытывал. В состоянии крайней озлобленности он отправился к «отстойнику», месту, куда перед гонками пригоняли машины Ткаченко, за которыми тщательно следил и которые зорко оберегал от конкурентов Андрей, механик – золотые руки, а по совместительству охранник, давний знакомый Михайловского. Их знакомство началось примерно десять лет назад. Это был период жизни Михайловского, когда он под заказ перегонял иномарки из Европы в Москву. Бизнес этот был не легкий и не всегда легальный. По любому вопросу он обращался к Андрею, для которого не составляло труда перебить номера в соответствии с документами, не говоря о придании товарного вида машине перед продажей.

– Привет, Андрюха, – поздоровался Михайловский, увидев только ноги, торчащие из-под кузова машины.

– О, Витек! Здорово! – выползая и кряхтя при этом, приветствовал его Андрей. – Прости, брат, руки не подам. Грязные у меня ручки, – громко рассмеялся он.

Грязными у Андрея были не только руки, но и спецовка, и лицо, и даже волосы, казалось, были в машинном масле.

– Ну, принимай девочку! – Он схватил тряпку, валявшуюся рядом, быстро вытер об нее руки и, подойдя к машине, которую должен был вести Михайловский, положил руку на капот. – Ты только посмотри, какое я личико из ее разбитой морды сделал. Это ж работа, достойная пластического хирурга! – Он снова рассмеялся, открыл капот и с гордостью произнес: – А внутренности? Не движок, а сказка!

Михайловский подошел к машине и невидящими глазами уставился на двигатель.

– Да, картинка, – мрачно произнес он, но тут же решил польстить механику: – То, что ты мастер от бога, я еще десять лет назад знал. Но что ты на такое способен, даже не догадывался. Слушай, да ты при желании из сраного «Запорожца» «мерина» легко сделаешь! А? – Михайловский шутя ударил механика в плечо и натянуто рассмеялся собственному остроумию.

– Да ладно тебе, Витек. – Смутившись, Андрей покраснел, как девушка, и отвернулся в сторону.

Отметив про себя, что похвала возымела действие, Михайловский неожиданно резко схватил Андрея за плечи и, пристально глядя в глаза, зашептал:

– Выручай, Андрюха. Дай взаймы. Мне нужно на себя ставку сделать. Прошлые гонки многих напугали. На меня сегодня Ткаченко поставил… Ну, может быть, еще пара-тройка человек, не больше… Ты представляешь, какие деньжищи можно хапнуть! Дай взаймы. Сегодня я, как никогда, в силе. Дай денег, Андрюха, я тебе их с огромными процентами верну.

– Ты чего, Витек, сдурел? – проговорил растерянный Андрей, освобождаясь из цепких рук Михайловского. – Какие проценты? Какое хапнуть? Ты чего, не в курсе? Я ж квартиру в центре купил. У меня денег – ноль. Зинка, прорва ненасытная, у меня весь левак отбирает. То ей на ремонт, то на мебель, то на то, то на се… Да, Витек, если бы у меня бабло на кармане было, я сам сегодня на тебя поставил бы. Но пустой я. Пустой! Нет у меня ни копейки! – уже переходя на крик, оправдывался Андрей.

– Все, забудь. – Михайловский снова ощутил приступ тошноты. Присел на скамейку, стоящую рядом, и опустил голову. – Пустой, значит, пустой, – проговорил он почти равнодушно.

– Ты что, не веришь мне? Да ты у любого спроси! Да тебе все…

– Верю, успокойся, верю, – прервал Андрея Михайловский.

Он, конечно, не верил ни одному слову механика. Прекрасно знал, что деньги у него есть, но теперь понимал, что взаймы он не даст.

– Чего ты там про Зинку говорил? – попытался он сменить тему разговора.

– Зинка, говорю, от жадности совсем с ума сошла, – затараторил Андрей, обрадованный тем, что Михайловский сам прервал разговор о деньгах. – Сколько ни давай, ей, кобыле, все мало. – Он вздохнул и присел рядом с Михайловским. – Счастливый ты, Витя. Завидую я тебе. Живешь, как король. Куда хочешь, пойдешь, что хочешь, сделаешь. Да, великая вещь свобода!

– А ты не завидуй, ты разведись. – Михайловский с усмешкой посмотрел на Андрея.

– Да, разведись… – грустно усмехнулся тот. – Мы ж квартиру новую в равных долях оформили. Так что при разводе этой гадюке половина причитается.

– Тогда живи, Андрюша, и радуйся квартире, – презрительно, сквозь зубы, словно самому себе, тихо сказал гонщик.

– Злой ты стал, Витя. Чужие проблемы понять не хочешь. – Механик поднялся со скамейки и, сделав пару шагов, увидел приближающегося к ним Ткаченко. – Ну, вот и хозяин сюда идет.

Михайловский поднял голову. Усмехнулся и медленно, смакуя каждое слово, проговорил:

– Тебе, Андрюша, может, и хозяин, а вот кто он мне – видно будет.

Он поднялся со скамейки, принял расслабленную позу и постарался, чтобы на лице появилось выражение удовлетворения.

– Я вижу, пилот доволен! – шутливо прокричал Николай Алексеевич. – Ты что, Витя, еще мотор не опробовал? Иди, заведи этого зверя!

Михайловский улыбнулся и покорно направился к машине. Андрей вплотную подошел к Ткаченко и заискивающе зашептал:

– Он совсем плохой, Николай Алексеевич. Денег просил. Чуть не убил, когда я отказал. Эту гонку он, может быть, и отведет, а вообще решать нужно…

– Уже решил, – быстро и тихо ответил Ткаченко. – Эту гонку я ему в знак дружбы, за прошлые победы подарил, можно сказать. Для Верницкого машину к следующим гонкам готовить будешь. – Сменив тон, он громко обратился к Михайловскому, который все это время сидел в машине с включенным двигателем: – Не звук, а песня! Золото у нас механик. Ладно, Витя, готовься, скоро уже! С богом!

Михайловский наблюдал из машины за Ткаченко, который, махнув ему рукой, спокойным размеренным шагом пошел в сторону кафе. Не пройдя и пятидесяти метров, он встретил четырех молодых людей. Они весело и шумно перекинулись с Ткаченко несколькими фразами и разошлись. Ткаченко продолжил свой путь в кафе, а молодые люди направились в сторону Михайловского. Одного из них он видел впервые. Он был явно старше других и держался немного скованно. Остальные Михайловскому были хорошо знакомы. Слава и Юра – вечные гоночные тусовщики. Они не пропускали ни одного заезда, всегда все и про всех знали, ни один скандал не проходил без их участия, а чаще ими же и создавался. Они были похожи, как братья. Примерно одного возраста и роста, они одинаково одевались, одинаково говорили, одинаково вели себя, одинаково думали. Зная о машинах практически все, разбираясь в них лучше, чем многие механики и гонщики, они ни разу не садились за руль. Последним в компании был Верницкий.

С первой же встречи Михайловский и Верницкий на каком-то инстинктивном животном уровне испытывали друг к другу ненависть, злобу и отвращение. Один завидовал опыту и прошлой славе. Другой молодости и будущим победам.

Все четверо остановились метрах в десяти от машины.

– Прикинь, чемпион-то наш мотор завел, а как вырубить, забыл! – проорал Слава.

– Нет, как вырубить – он помнит, он забыл, где газ находится. Так все гонки здесь и проторчит, – поддержал шутку Юра, и, довольные собой, оба громко рассмеялись.

Михайловский заглушил мотор, но из машины выходить не спешил. Чувствовал он себя совершенно разбитым, но больше, чем физическое состояние, его тревожило ощущение, что эта встреча добром не кончится. На шавок Славу и Юру ему было наплевать. Их плоский юмор был интересен только им самим. Он даже не вызвал раздражения у Михайловского. Его поразил Верницкий. Вернее, не он сам, а его глаза. Что-то странное было в его взгляде, чего раньше не было и чему Михайловский никак не мог подобрать определения.

– Юрец, прикинь, чемпион вспомнил, как мотор глушить! Но из-за старости и наркоты у него проблемы не только с башкой, но и с ногами. Он теперь выйти из машины не может.

– Старость, Слава, уважать надо. Поможем? Он чемпион все-таки, а не какое-нибудь дерьмо сколовшееся.

Тусовщики снова рассмеялись. На этот раз незнакомец отреагировал на шутку, но смех его был тихим и сдавленным. Верницкий как будто и не слышал этих реплик. Он странно улыбался, погруженный в собственные мысли, и, не отрываясь, смотрел на Михайловского. И тут наконец-то Михайловский нашел определение его взгляду. Кроме обычных презрения,

отвращения и злобы, во взгляде Верницкого была жалость. Жалость врача к неизлечимо больному пациенту. И это привело Михайловского в бешенство. Он вышел из машины. Он чувствовал себя настолько сильным, что готов был разорвать в клочья и Верницкого, и все его окружение.

– Ты чего, Витя? – Подбежавший Андрей схватил Михайловского за руки и одновременно преградил ему дорогу. – Ты чего на этих малолетних дебилов внимание обращаешь! Они ж специально. Они довести тебя хотят. Да эти скоты со всеми себя так ведут…

Михайловский ничего не ответил. Не сделал ни одного движения. Он только посмотрел Андрею в глаза. И механик словно обжегся. Отдернув руки от Михайловского, он покорно отошел в сторону, давая ему пройти. Михайловский медленно пошел на Верницкого, который, не изменив позы, продолжал улыбаться. Они, не отрываясь, смотрели в глаза друг другу. Казалось, весь мир прекратил свое существование, осталась только ненависть этих двух людей.

С каждым шагом Михайловский чувствовал, как усиливается его злоба. С каждым шагом он становился сильнее. Он подошел к Верницкому вплотную, и они продолжали молча смотреть друг на друга. Напряжение росло и распространилось на всех присутствующих, которые как будто боялись не только сказать что-нибудь или пошевелиться, но и дышать.

Всеобщее оцепенение прервал неожиданный громкий смех Михайловского. Он смотрел на Верницкого и хохотал, как ребенок, не в состоянии остановиться. Улыбка исчезла с лица Верницкого. На мгновение он растерялся, но через секунду бросился на Михайловского и повалил его на землю. Катаясь в пыли, оба были похожи на дерущихся мальчишек. Верницкий беспрерывно тряс не прекращающего хохотать Михайловского и повторял одно слово: «Заткнись!»

Все, кто находился рядом, кричали, перебивая друг друга:

– Давай, Антоха! Добей эту гниду! – бесновались тусовщики. – Дай ему, чтоб загнулся! Достал наркоша гребаный! Давно это надо было сделать! Урод обдолбанный!

– Давай, давай, мочи его! – выкрикивал уже совершенно освоившийся незнакомец, по-видимому, попав в привычную для себя ситуацию.

– Хватит! Витя! На старт скоро! Да вы свихнулись оба! Хватит! Что ж вы делаете! – причитал Андрей, бегая рядом и беспомощно хватаясь за голову.

Одновременно, не сговариваясь, незнакомец, Андрей и тусовщики кинулись к дерущимся и оттащили их друг от друга. Тусовщики держали Верницкого, а незнакомец с Андреем Михайловского.

– Зачем же ты, Витя? Ну, все, успокойся. Нельзя же так. Старт скоро. Нехорошо. Нужно как-то по-мирному. – Отряхивая пыль с Михайловского, Андрей пытался то ли успокоить его, то ли отругать. – Нельзя так, я же прав? – обратился он к незнакомцу, как к старому приятелю.

Тот только усмехнулся и пожал плечами. Тусовщики в свою очередь пытались привести в порядок одежду Верницкого.

– Правильно, Антоха, так и надо. Не парься. Этот козел сам напросился. Я б на твоем месте вообще его придушил. Ты – молодец! – суетился возле Верницкого Слава, а потом, чтобы слышали все, прокричал: – Да у этого старого придурка от наркоты крышу снесло! Какой он на хрен профессионал, его даже таксистом никто не возьмет! Ему на свалку давно пора! Ткаченко его из жалости держит… Да и ему скоро отказаться придется! Шваль! Чемпион он!..

Тираду Славы остановил мощный удар Верницкого в челюсть. Слава схватился за лицо и в недоумении проговорил:

– Ты чего, Антоха? За что?

– Заткнись, – сухо произнес Верницкий, даже не посмотрев на почти плачущего от боли Славу.

Его сейчас интересовал только один человек. Он посмотрел на Михайловского взглядом, в котором уже не было ни злости, ни жалости, ни презрения, никаких других чувств, там была пустота и желание мести. Верницкий уверенно заговорил:

– Сегодня я приду первым. Тебя уже нет. Ты давно сдох. Сегодня я всем покажу, кто лучший гонщик. После этих гонок тебя все забудут. Я буду первым. Прощай, Михайловский. Ты уже никто, чемпион!

Верницкий развернулся, чтобы уйти, но его остановил спокойный голос Михайловского:

– Ты во всем прав, мальчик. Во всем, кроме одного. Тебе никогда не стать лучшим гонщиком.

– Увидишь, чемпион, – ответил, не оборачиваясь, Верницкий и ускорил шаг.

Его самоуверенное, веселое и наглое окружение последовало за ним в полном молчании.

– Все, Витя. Давай в машину. Ты что, скандала хочешь? Тебе прошлого раза мало? Давай шевелись! Ты что, думаешь, технический комиссар за опоздание похвалит? – пытался растормошить Андрей словно окаменевшего Михайловского. – Ну давай-давай! Ты пока на медкомиссию, а я как раз к техосмотру подойду.

Михайловский послушно сел в машину и отправился к боксу, открытой площадке перед стартом, где проводились медкомиссия, техосмотр и дозаправка. Медкомиссия прошла формально. Врач прекрасно знал о проблемах Михайловского, но гонщика Ткаченко до гонок допускали в любом случае. Андрей успел подойти к техосмотру. Претензий к машине не было. Технический комиссар даже сделал комплимент механику, от чего Андрей, падкий на похвалу и лесть, покраснел.

Все события Михайловский воспринимал, словно в тумане. Он как будто находился под гипнозом. Слова Верницкого о лучшем гонщике не выходили из его головы, но не раздражали Михайловского, а придавали ему большую уверенность в собственной победе. Он очнулся уже на старте и, увидев первый желтый сигнал светофора, понял, что даже не слышал, как объявили квалификационный заезд.

Для Михайловского квалификация прошла крайне неудачно. По ее результатам он даже не вошел в четверку лидеров. Он был шестым. Верницкий показал лучшее время. В перерыве Михайловский видел его довольное, но злое лицо. Тогда же к нему подбегал Андрей с какими-то советами. Подходил Ткаченко и пытался настроить его на победу. Кто-то из зрителей на трибуне выкрикнул его фамилию. Кто это был и по какому поводу кричал, Михайловский не понял. Хотя зрителей было мало и при желании легко можно было установить, кто это был. Все, что происходило, для Михайловского никакого значения не имело. Ему были безразличны результаты квалификации, презрение Верницкого, суета Андрея, забота Ткаченко. Он твердо знал, что выиграет сегодняшнюю гонку.

Объявили о готовности к началу. Михайловский надел шлем, сел в машину, перекинул через плечи ремни, застегнул их на поясе и занял на старте положение, соответствующее шестому результату. Теперь он был абсолютно спокоен. Проснулся истинный профессионал. Все внимание Михайловского было сосредоточено на светофоре. Загорелся первый желтый сигнал.

– Лучший гонщик! – прокомментировал вслух Михайловский.

Зажегся второй желтый.

– Лучший гонщик! – повторил он.

Третий желтый.

– Лучший гонщик! – Это уже было похоже на молитву. Когда загорелся зеленый, он, нажимая на газ, выкрикнул: «Вперед!» – и машина рванула с места.

Первых три круга Михайловский вел машину спокойно и вперед не вырывался. Верницкий был первым и шел с большим отрывом от остальных. На четвертом круге Михайловский прибавил скорость и очень быстро догнал лидера. Он шел, не отставая, но и не обгоняя его. После отмашки желтого флажка с перекрещенными черными линиями машины пошли на последний круг. Михайловский прибавил газа, догнал Верницкого, который уже не мог оторваться, и стал обходить справа. Верницкий подрезал его, Михайловский отстал, но при последнем повороте до финиша он на предельной скорости обошел Верницкого по внутреннему радиусу и финишировал.

Ткаченко не поверил своим глазам, когда увидел, что после машины Михайловского дали отмашку черно-белым шахматным флажком. То, что Михайловский финишировал первым, удивило многих, но то, что произошло потом, повергло в шок всех. Машина Михайловского сразу после финиша на полной скорости неожиданно резко взяла вправо и врезалась в отбойники. От удара машину подбросило вверх, она несколько раз перевернулась в воздухе и с грохотом упала на правый бок.

После аварии наступила такая тишина, как будто трибуны, на которых и без того было немного зрителей, опустели совершенно. Через мгновение на этих же трибунах поднялся шум, раздались крики, началась паника. Одни пытались пробраться к финишу, другие убежать в противоположную сторону. Все кричали, толкались, падали, пытаясь разобраться в происходящем, но никто ничего не мог понять.

Ткаченко стремительно бросился к машине. Он был слишком далеко. Он всегда выбирал самое высокое место на трибуне, чтобы наблюдать за гонками. Отпихивая людей, стоящих у него на дороге, перепрыгивая через лавки, он выбежал на трассу, не обращая внимания на проезжающих мимо участников заезда. Ткаченко не останавливался ни на секунду. Он несся к месту аварии. Он видел, как около машины уже суетились медики и пожарные. Видел, как ее перевернули и поставили на колеса. Когда Ткаченко был совсем близко, он разглядел, что рядом с машиной лежит Михайловский. Ткаченко стало не по себе, он замедлил бег, пытаясь собраться с мыслями и понять, что же произошло. Не дав Ткаченко отдышаться, дорогу ему преградил Андрей.

– Николай Алексеевич… Я ничего не понял! А машина-то в полном порядке!.. Только косметический ремонтик, а тут такое!.. – тарахтел он испуганно.

– Что с ним? – закричал Ткаченко, хватая Андрея за грудки.

– Я только недавно каркас безопасности усилил! Каждый винтик сам проверил!..

– Что с ним?! – еще громче крикнул Ткаченко в бешенстве.

Андрей снова стал что-то говорить про ремонт. Ткаченко не выдержал и, отшвырнув его в сторону, направился к разбитой машине.

Вокруг Михайловского столпилось много людей. Пожарные, механики, медики. Протиснувшись сквозь толпу и подойдя совсем близко, Ткаченко увидел, что Михайловский весь в крови. Он обратился к склонившемуся над гонщиком врачу.

– Как он? Что с ним?

– Видимых повреждений и переломов нет, – ответил врач, распрямляясь. Он снял очки и, укладывая их в карман халата, продолжил: – Авария здесь ни при чем. Смерть наступила мгновенно, вследствие…

– Наркота проклятая! Витя, Витя! Что ж ты?

Не дослушав причитания Николая Алексеевича, врач бесстрастным тоном закончил начатую фразу:

– Вследствие пулевого ранения в голову.

Только теперь Ткаченко заметил на шлеме Михайловского с левой стороны в районе виска маленькое аккуратное отверстие от пули.

Глава 2

Ткаченко быстрым уверенным шагом прошел прямо в приемную Орлова, невольно оттеснив в сторону Верочку, как раз выходившую из кабинета начальника.

– Здравствуйте, Николай Алексеевич, – произнесла она, обводя взглядом импозантного посетителя, но в это время мужчины уже встретились взглядами, и Ткаченко оставил приветствие секретарши без внимания.

– Проходите-проходите, – сказал генерал, вставая из-за стола и спеша навстречу гостю с протянутой для рукопожатия ладонью. – Чем богаты, тем и рады, – добавил он, обводя рукой два кожаных кресла в углу кабинета, рядом с которыми на столике Верочкой был приготовлен небольшой ланч.

– Зачем все это? – несколько смущенно проговорил гость, усаживаясь в мягкое, податливое кресло. – Я бы мог пригласить вас в ресторан, но, честно говоря, после этого случая у меня испортился аппетит.

– У нас каждый день – повод для ухудшения аппетита, – пошутил Орлов. – Я уже привык есть безо всякого удовольствия. Так, на бегу, на ходу… Поэтому, ради бога, не переживайте, я все равно плохой компаньон по этой части. Такая работа, ничего не поделаешь.

Петр Николаевич устроился напротив своего собеседника и предложил на выбор несколько напитков. Ткаченко остановился на кофе с коньяком. Несколько минут вокруг стола продолжались приготовления. Ткаченко влил изрядную порцию коньяка себе в чашку. Комната наполнилась насыщенным ароматом, и гость тут же с наслаждением отпил несколько глотков. Его рука нервно сжимала ручку крохотной кофейной чашечки. Покрасневшие фаланги пальцев выдавали его напряжение.

– Я, признаться, несколько выбит из колеи, Петр Николаевич… Не знаю, насколько вы информированы о причинах моего визита…

– Меня коротко ввели в курс дела. Трагедия, произошедшая на соревнованиях. Все это на первый взгляд более чем странно, – произнес генерал, припоминая подробности разговора с одним из своих начальников, который, собственно, и просил Орлова принять Ткаченко и оказать последнему всю посильную помощь.

И это несмотря на то, что личность Ткаченко не нуждалась в протекции. Генерал был наслышан об этом человеке. Теперь же на нем лежал еще и груз дополнительной ответственности перед третьим лицом. Николай Алексеевич Ткаченко был уважаемый в определенных кругах человек. Его банковский бизнес, хотя и не являлся лидирующим в соответствующих сводках, приносил тем не менее известный доход, а главное, паевое участие в ряде других преуспевающих проектов, что делало его одним из самых богатых людей, с которыми Орлову когда-либо приходилось иметь дело.

– Расскажите, пожалуйста, подробности, – попросил генерал и неосознанно бросил взгляд на свободную руку Ткаченко, которой он нервно теребил край скатерти.

– Честно говоря, мне и сказать-то вам нечего. Парень, которого застрелили на гонках, был весьма интересной личностью. Я немного был с ним знаком, но никогда не знал о его делах. Не думаю, что он мог быть втянут в реально серьезное дело. Об этом я бы знал наверняка. Возможно, все это – какая-то ошибка. Но почему это произошло именно на моих гонках?… Черт возьми, понятия не имею!

Генерал наблюдал за собеседником и про себя думал, что он мог представить Ткаченко каким угодно, но только не таким, каким он предстал сейчас перед ним. Это был довольно решительный человек с мужественной внешностью, с которой совершенно не сочеталась нервозность и суетность. Тем не менее Ткаченко сейчас выглядел лихорадочно взволнованным.

– Должен вам сказать, что эти гонки для меня – то немногое, что я могу себе позволить делать для души, что называется, – горячо продолжил Ткаченко, заметив на себе застывший взгляд генерала. – Я не так боюсь за свой бизнес, как за репутацию этих гонок. Поймите, это то, во что очень многие люди искренне вкладывают всю свою душу. Ралли для них – это образ жизни, хобби, отдушина. Разрушиться может любой из моих бизнесов, но я не понесу больших убытков, чем от падения репутации моих гонок. Честно говоря, я не так боюсь потерять банк, как это дело. Понимаете?

Орлов кивнул и задумался. Перебивать собеседника и уже тем более задавать ему встречные вопросы он пока не торопился.

– Тут есть еще один момент, – тем временем разглагольствовал Ткаченко. – Гонки финансируют очень серьезные корпорации. Машины, расходы на аренду трасс и земли, сооружения и прочее… Сейчас в это дело вкладываются очень серьезные люди и исключительно благодаря моим личным контактам и определенному уровню доверия ко мне.

Николай Алексеевич опрокинул в рот остатки кофе и поставил пустую чашку на блюдце. Генерал тут же привстал, направляясь к кофеварке, но гость остановил его.

– Я, если вы не против, просто коньячку. Без кофе.

– О чем речь! – расплылся в добродушной улыбке Орлов. – Я бы и сам с удовольствием поддержал вас, но не могу. Впереди рабочий день. Разве что только пригубить…

Генерал подошел к небольшому бару на колесиках и, открыв верхний ящик, извлек оттуда пару рюмок. Вернувшись к гостю, он аккуратно заменил посуду, а чашки из-под кофе пристроил на нижнюю полочку. Наполнил рюмки коньяком. Приподнял свою и призвал гостя тоже поднять рюмку. Мужчины чокнулись и молча выпили.

– Ну и как вы оцениваете это дело, Петр Николаевич? Каковы шансы на успех? – произнес Ткаченко после паузы.

– Любое преступление можно раскрыть. Весь вопрос в том, сколько времени это займет. Нет такого дела, в котором нельзя было бы восстановить истинный ход событий. Если мы не успеем, то это за нас сделает время. Это я к тому, чтобы вы были уверены, что правда восторжествует. Что касается сроков, то здесь сложно что-либо сказать. Одно я могу гарантировать. Я задействую лучшие силы, и все, что в принципе можно сделать для раскрытия этого преступления, будет сделано. Я уже просматривал первичные материалы. Нам повезло, что на место преступления выезжали наши ребята. Так что по горячим следам они кое-что собрали. А что вы сами можете предположить? – поинтересовался генерал напоследок.

Ткаченко неопределенно повел плечами.

– Парня знали многие. И в первую очередь как превосходного гонщика. Я боюсь, первое, что может прийти в голову, так это то, что его просто убрали как конкурента. Ему действительно многие завидовали. Это я точно знаю, потому что так или иначе общаюсь со всеми участниками. Ребята приходят ко мне за советом. Да, может быть, я знал Михайловского чуть больше, чем других участников гонок… Ему нельзя было не симпатизировать. Он – суперпрофессионал. Одно то, как он водит машину, достойно восхищения. А то, как он проходит любые, самые сложные трассы, – это просто совершенство. Талант. У него потрясающий талант! Я бы даже сказал, врожденный. Мы собирали довольно большое количество зрителей во многом благодаря этому парню. Мы даже иногда специально, чтобы посмотреть, как он справится с трассой, устраивали сложнейшие препятствия, которые совершенно точно были не по силам никому из гонщиков.

Ткаченко увлекся, встал из кресла и зашагал по комнате. Было видно, что человек говорил о сокровенном. Затем он замолчал ненадолго и продолжил:

– Но, повторяю, утверждать, что я знал этого парня как свои пять пальцев, я не могу. Он был для меня загадкой. Откуда в нем было это удивительное чувство трассы и руля?… Это просто от бога. Но я что-то увлекся. Извините.

– Да нет, что вы, – успокоил его Орлов. – Чем больше информации вы нам дадите, тем проще будет работать. Но единственное… Я бы сразу пригласил сюда сотрудников, которые будут заниматься вашим делом…

– Ну, разумеется, – согласился Ткаченко.

Генерал позвонил по телефону внутренней связи и попросил Верочку вызвать к нему Гурова и Крячко.

– Что это за люди? – поинтересовался Ткаченко.

Орлов понял подоплеку вопроса и сразу же успокоил своего собеседника:

– Вы можете абсолютно доверять им. Как мне.

Сыщики не заставили себя долго ждать. Через пять минут они в сопровождении Верочки вошли в кабинет начальника.

Первый в кабинете показался Крячко, а через пару секунд, прикрывая за собой дверь, вошел и Гуров.

– Полковник Лев Гуров и полковник Станислав Крячко, – представил их генерал.

Поднявшись с кресла, Ткаченко сделал шаг навстречу подчиненным Орлова и поздоровался с обоими по очереди.

– Наслышан о вас, – сказал гость и добавил, глядя в глаза Гурову: – С большим уважением пожал вам руку. Правда.

– Удивлен, – немного слукавил полковник.

– Ну что вы? Когда работаешь там, где каждый день случаются преступления разной степени тяжести, начинаешь обращать внимание на такие вещи. А бизнес сейчас в России сплошь – криминал. Вы же сами знаете. Так повелось, – проговорил Ткаченко и вернулся в свое кресло.

– Присаживайтесь и вы, ребята. В ногах правды нет, – пригласил генерал и осмотрелся вокруг себя в поисках стульев.

Гуров, не дожидаясь дополнительных приглашений хозяина кабинета, прошел в дальний угол комнаты и перенес оттуда пару стульев. Для себя и для своего напарника.

Проходя мимо Крячко, Гуров бросил на него мимолетный взгляд. Тот стоял перед генералом и его визитером насупившись, но, заметив, что пойман Гуровым с поличным, сделал вид, что недовольство его связано с головной болью. Потер виски и поблагодарил Гурова за стул.

– Коньячок? Кофе? – осведомился Орлов, подождав, пока все усядутся.

– Да, мне бы кофейку, – отозвался Гуров.

Крячко только безмолвно кивнул головой в знак согласия.

– Они совершенно не пьют, Николай Алексеевич, но не обращайте на это никакого внимания. Это мои лучшие сотрудники. Да! – спохватился Орлов и только сейчас счел необходимым представить сыщикам визитера. – Николай Алексеевич Ткаченко – организатор ралли под названием «Вираж». Человек он известный, и, думаю, вам его представлять более полно не надо.

Гуров согласно кивнул.

– Я бы хотел, чтобы все, что вы рассказали мне, вы повторили сейчас моим сотрудникам, – проговорил генерал и, поднявшись с кресла, направился к своему письменному столу, предоставив возможность собеседникам свободно говорить, не стесняясь его присутствия.

Ткаченко вопросительно посмотрел на генерала, когда тот занял место в своем кожаном кресле на колесиках за столом.

– Да прямо как мне рассказывали, так и говорите. А они сориентируются, остановят, если нужно, вопросы зададут, – ободрил его Орлов.

Тем временем оба полковника ненавязчиво наблюдали за гостем. Внешность этого человека была весьма интересна. При том, что Ткаченко являлся представителем довольно консервативного направления в бизнесе, внешность его совершенно не увязывалась с родом его занятий. Он скорее напоминал неформала. Будь его одежда несколько более свободной, а манеры развязнее, его вполне можно было бы принять за какого-нибудь актера или художника. Он был выше среднего роста, спортивного телосложения. Привлекала внимание и его прическа. Волосы с проседью не были аккуратно уложены, а торчали в разные стороны. Бородка и усы придавали лицу мужественный вид. На нем были кремового оттенка льняные брюки и кремовая же водолазка. На ногах – рыжего цвета замшевые мокасины с ажурными прорезями в них. Ткаченко слегка сутулился. В целом же он производил впечатление человека, следящего за собой, хотя и не придающего своему внешнему виду большого значения.

– Если коротко, то у меня на гонках застрелили человека… – начал Ткаченко.

Затем он слово в слово пересказал новым слушателям то, что ранее изложил Орлову. Сыщики выслушали его внимательно и за все время длительного монолога ни разу не перебили. Гуров лишь изредка покачивал головой в знак того, что у него понемногу вырисовывается картина происшедшего.

– А известно ли вам о пристрастии этого Михайловского к какому-нибудь зелью? – спросил генерал, не вставая со своего рабочего кресла, когда Ткаченко замолчал.

– Вообще да… Что-то такое было. Он в свое время увлекался то ли алкоголем, то ли чем-то еще… Насколько я знаю, косвенно это и послужило причиной его окончательной размолвки с официальным гоночным спортом… – Ткаченко сделал небольшую паузу, отставил в сторону рюмку, вновь наполненную коньяком. Затем, не вставая с кресла, выудил из заднего кармана брюк слегка помятую пачку сигарет и бросил ее на стол рядом с рюмкой. – Но реально, я думаю, тут могла быть и обратная сторона медали, о которой мы ничего не знаем. Когда же он пришел ко мне, насколько мне известно, ничего такого не было.

– Не факт, – возразил Крячко. – А каков статус ваших гонок? – поинтересовался он, убедившись, что Ткаченко больше ничего не собирается говорить на эту тему. – Это официальные соревнования? Как они регистрируются?

– Они законны. Я абсолютно ничего не нарушаю, проводя подобные старты. Каждый из участников обязан быть застрахован специальной страховкой. Это очень дорогое удовольствие. А насчет официальности, судите сами. Есть общеизвестные соревнования, которые проводят под крышей министерства спорта. У меня, если хотите, альтернативное ралли. Если хотите, неофициальное. Можно и так называть. Чиновники от спорта периодически начинают выступать против, но скоро замолкают, потому что им не в чем нас упрекнуть. Все в рамках закона. Безопасность на высшем уровне. Юридически никаких закавык. Все правильно оформлено… У меня зарегистрирована организация, которая и проводит соревнования. Площадки и дороги для гонок мы арендуем также вполне официально.

– Как это вполне? – Крячко не унимался.

– А так. Есть люди во всех инстанциях, через которые приходится пройти, чтобы организовать заезды. Эти люди хорошо меня знают и на протяжении всего времени мне помогают организовать ралли. В комитете спорта, в дорожном комитете и так далее… – Ткаченко испытующе посмотрел на Крячко, выясняя, достаточно ли полным оказался его ответ.

– А почему вы обратились именно к нам в управление? У вас не вполне официальное предприятие. А молодой человек, которого… Который стал жертвой, скажем так… Возможно, наркоман. Я читаю газеты, смотрю телевизор, и о его пагубном пристрастии трубили немало в свое время. А вы хотите уверить нас, что он завязал? Не так ли?

– Должен же кто-то восстановить справедливость, – несколько туманно ответил Ткаченко на пылкую тираду Станислава. – И потом, я всегда был около государственных структур, и всегда у меня были хорошие, взаимовыгодные отношения с любыми инстанциями.

– Стас всегда берет на измор своего клиента, если так можно выразиться, – заступился за Ткаченко Орлов. – Вы не обращайте внимания, это только для того, чтобы дело лучше продвигалось. Он, как это говорится, «адвокат дьявола»… Но потом эти двое делают такое, что и не снится целой армии оперативников.

– Стас чего-то не в духе сегодня. Я тоже заметил, – поддел напарника Гуров, припомнив тот самый недовольный взгляд, который уловил несколько минут назад.

– Да что вы, я же не мальчик. Меня, к сожалению, сейчас мало чем можно испугать. Я в жизни насмотрелся, – успокоил Ткаченко своих собеседников и снова потянулся за рюмкой на столе.

– Расскажите о самих гонках, – попросил Гуров, улучив момент для продолжения диалога.

– Что именно? Тут можно бесконечно рассказывать.

– Все, что посчитаете нужным.

– Хорошо. – Ткаченко кивнул. – Я организовал эти гонки лет семь назад. А вообще история эта очень давняя. Идет, можно сказать, еще из моего детства. Лет в тринадцать я сам увлекся автогонками. Серьезно увлекся. До этого я всегда смотрел по телевизору соревнования, ездил с отцом за рулем у него на коленях… Но это все было лишь основой для моего дальнейшего увлечения автомобилями…

Николай Алексеевич остановил свой рассказ на несколько секунд. Коньяк начинал источать по всей комнате едва уловимый аромат, как только рюмку брали в руку и тепло ладони передавалось напитку. Он поднес рюмку ко рту и одним махом опрокинул коньяк. Поставив уже пустую рюмку на стол, Ткаченко слегка поморщился. Затем с ловкостью подвыпившего человека поискал в заднем кармане брюк, откуда ранее выудил пачку сигарет, зажигалку. Все эти манипуляции происходили в абсолютной тишине, которую нарушил вопрос Крячко.

– А что сейчас? – произнес он, наблюдая за тем, как гость с удовольствием затягивается дорогой сигаретой какой-то неизвестной ему марки.

– Вы сейчас поймете, к чему я клоню, – произнес Ткаченко, смакуя сигарету.

Заметив, что Крячко в упор разглядывает пачку, которая теперь лежала на столике, он поспешно предложил сыщикам закурить.

– Нет, спасибо. Вы ведите себя, как вам удобно. Мы нисколько не стеснены, – успокоил его Гуров. – Итак, вы всерьез увлекались ралли, а дальше…

– Ну, в общем, это увлечение из детства, и, как часто бывает, оно стало частью моей взрослой жизни. Если не большей, то очень значительной. Вырос, стал гоняться на ралли. Но вскоре понял, что даже если я и стану выигрывать большие соревнования, то вряд ли мне удастся когда-нибудь влиться в гоночную тусовку. Слишком много у этих ребят гонора… Здесь крутятся очень большие деньги, и не всегда талантливые гонщики пробиваются в лидеры. Часто это те, кто умеет ходить, что называется, по трупам. Часто фирмы-производители авто сами лоббируют того или иного гонщика, буквально сживая со свету какого-нибудь тихого паренька, который в состоянии, может быть, сотворить чудо на трассе, но ему не дают раскрыться.

– Да, общеизвестный случай, – произнес Гуров.

Ткаченко, довольный, что его внимательно слушают, продолжал:

– Короче, я выбрал другую стезю, но эта тяга у меня так и осталась. Знаете, так бывает, что вроде как бы занимаешься делами, крутишься… Часто успешно, но что-то истинное в тебе как будто дремлет, как будто все не то. В общем, ты понимаешь, что главное вовсе не

то, чем ты занимаешься, а то, чем ты бредил в детстве, а потом сказал себе, что все уже умерло. Но нет! Живо! Оно все равно живо в тебе. Так и у меня получилось. Короче, я и еще несколько моих компаньонов решили попробовать и… У нас получилось. Через три года дело раскрутилось так, что приняло масштабы, сопоставимые с ежегодными официальными ралли.

Ткаченко замолчал и потянулся к бутылке с коньяком, которая уже на треть опустела.

– Кто участвует в гонках? – поинтересовался Гуров, перехватив движение Ткаченко.

Тот, уже слегка осоловелый, приостановился и вместо того, чтобы взять коньяк, переложил пачку сигарет к себе в карман.

– Разные люди. Есть молодые. Те, которые что-то могут за рулем, и за них платят спонсоры. Есть бизнесмены и политики, когда-то увлекавшиеся ралли, но кто по разным причинам не смог или не захотел идти в официальный спорт. Их дети…

– А какие были отношения у Михайловского с остальными гонщиками?

– Разные. Он ни с кем не дружил. Но и не враждовал особо.

– Вспомните, может, были какие-нибудь ссоры между участниками или… – Полковник не успел закончить фразу.

– Были. В день заезда Михайловского он едва не подрался с одним парнем. С Антоном Верницким.

– Вот как? А что произошло? – поинтересовался Гуров.

– Точно не знаю, – замялся Ткаченко. – Я, как обычно, встретился перед гонкой с Виктором… Мы всегда обсуждали заезд, некоторые мелочи относительно трассы, еще кое-что. А затем Михайловский пошел к своей машине, проверять готовность систем. Он всегда сам смотрел автомобиль перед стартом… Я не видел, кто из ребят проявил инициативу, но когда обернулся, несколько человек уже обступили Виктора, а Антон ближе всех стоял к нему. Он толкнул Михайловского в грудь и…

– А кто этот Антон? – спросил Крячко.

– Ну, в общем, довольно талантливый малый. Сын одного из правительственных чиновников. Отец, кстати, тоже у меня гоняется…

– Сколько всего их было? – прервал Ткаченко Гуров. – Тех, что обступили Михайловского?

– Человек семь. Но, должен сказать, я был совершенно спокоен. Михайловский был не из робкого десятка. Он так отпихнул Верницкого, что тот отлетел в руки стоявших у него за спиной ребят. И пыл того сразу как-то поугас. Дальше я только слышал, что поссорившиеся выкрикивали друг другу что-то, но что именно, я не мог разобрать.

– Думаю, нам придется поговорить с ними. Когда это можно сделать?

– Да хоть сегодня. Сейчас как раз идут полуфинальные заезды, – сказал Ткаченко, посмотрев на часы. – Все участники там.

– Вы сказали, будто что-то еще обсуждали с Михайловским? – спросил Гуров. – Что?

– Да, это… Ставки… Скажу честно, на гонках есть тотализатор. Вот это действительно не вполне легальная вещь, но она и не гласная. Мы договариваемся друг с другом… Кто причастен к тотализатору, знает явки, пароли, адреса, людей, которые за это отвечают, и так далее.

В разговоре повисла небольшая пауза.

– А есть какие-то первичные материалы? Я бы просмотрел их по пути, – обратился Гуров к Орлову, который наблюдал за беседой из-за своего письменного стола.

– Да, вот они. – Генерал похлопал ладонью по папке, лежащей на столе. – Кое-что собрали на месте преступления, и рассказы очевидцев. Очень странное убийство, надо сказать… Николай Алексеевич, вы не возражаете, если мы немного обменяемся информацией? – обратился он к Ткаченко.

– Да, конечно, – согласился тот.

И тут же, как только Гуров и Крячко встали из-за стола и направились к Орлову, Ткаченко потянулся к бутылке с коньяком и наполнил рюмку, оставив ее стоять на столике перед собой. Он молча смотрел на переливающийся перламутром коньяк и слушал разговор оперативников.

– Так вот, – начал Орлов, положив перед собой толстую книгу, которую извлек из ящика стола. – Человека убивают во время гонки выстрелом в голову. На месте преступления нашли патрон «СП10». Пуля прошла через тело убитого и попала в металлическую конструкцию, оставшись внутри автомобиля. Стреляли из «Вектора» – «СР-1». Я тут посмотрел справочники… Этот пистолет стреляет двумя типами патронов. «СП10» и «СП11». «СП10» имеет пулю со стальным сердечником. Это мощное оружие. Предназначено для поражения живых целей, в том числе защищенных бронежилетами. Подходит и для небронированной техники при условии, что стреляют на расстоянии в сто метров.

– Хорошее оружие. Неплохая кучность стрельбы, но для профессионалов, – заключил Гуров, выслушав генерала. – Скажите, а вы были очевидцем убийства? – неожиданно спросил он Ткаченко.

– И да и нет. Убийства как такового никто не видел, – прозвучал ответ. – Никакого выстрела или шума. Просто машина Михайловского сошла с трассы. Я был рядом и все видел. Хотя выстрела мы могли не слышать за ревом двигателей.

– Выстрела не было, значит. Наверняка стреляли с глушителем и расстояние было менее чем сто метров, – вслух произнес Гуров, не обращаясь ни к кому конкретно, а скорее что-то уточняя для себя. – Я прав, Стас?

– Ну да, – не слишком охотно откликнулся Крячко.

– Понятно. Ну что ж? Вы нас отпускаете, Петр Николаевич? – спросил Гуров, забирая со стола генерала папку с оперативной информацией по делу.

– Да, конечно. Я думаю, и Николая Алексеевича можно отпустить. Мне кажется, мы получили достаточно информации для первого раза.

– Если показания господина Ткаченко засвидетельствованы в протоколе, то конечно. У меня вопросов больше пока нет. Только один. Сможет ли кто-то на месте показать нам, где было совершено преступление? – спросил Гуров, обращаясь к Ткаченко.

– Если хотите, я и сам могу поехать с вами, но думаю, что нужды особой в этом нет. Любого попросите – и вам покажут.

– Хорошо. Будем поддерживать связь по телефону. – Гуров быстро продиктовал свой номер телефона, а затем номер Крячко. – А сейчас мы поедем. Хотелось бы успеть переговорить с очевидцами.

Сыщики попрощались с Ткаченко и Орловым, после чего, прихватив с собой материалы дела, вышли из кабинета.

Крячко разбитной походкой, засунув обе руки в карманы, неспешно шагал к машине, раскидывая на ходу ногой мелкие камешки на асфальте.

– Слушай, Стас, что с тобой сегодня? У тебя проблемы? Не первый раз замечаю твою кислую мину, – поинтересовался Гуров, открывая дверцу своего «Пежо».

Крячко пропустил реплику напарника мимо ушей.

– Лева, а ты считаешь, что здесь может быть что-то, кроме наркотиков? – спросил он, открывая дверцу со стороны пассажирского сиденья.

– Не знаю. Надо проверить, Стас. Полистай, пока едем, протокол. Нужны фамилии. Верницкий – раз. Кто еще?

– Да ладно тебе, успеешь, – сказал Станислав, усаживаясь в автомобиль и откладывая папку на заднее сиденье. – А, черт!

– Что? – Гуров даже вздрогнул от неожиданности.

– Зуб. – Крячко схватился за щеку. – Со вчерашнего дня ноет, гад. Ночь не спал. С утра таблеток наглотался, но уже, видимо, действие прошло. Надо снова принимать.

Крячко открыл свою барсетку и, покопавшись в глубине, извлек пачку таблеток.

– Я не понимаю, почему мы должны заниматься этим делом? – заявил он. – Гонки – левые. Это факт. Парень был наркоман. Думаю, это тоже факт. При чем тут наше управление? Орлову спускают всякий отстой, он отказаться не может, а нам – занимайся этой чушью.

– А ты знаешь, Стас, мне это не показалось такой уж чушью. Меня заинтересовал этот человек. Ткаченко. Он увлечен своим делом. Видно, что он искренне переживает. Я бы и так ему помог, если бы случай представился.

Крячко молча слушал и, наклонив голову набок, стараясь, чтобы охлажденная жидкость не попадала на больной зуб, потягивал из баночки напиток.

– И вообще, хватит бухтеть. Давай лучше музыку послушаем, – предложил Гуров, убедившись, что Крячко сегодня не способен на конструктивный разговор.

Всю дорогу до Сергиева Посада, где проходил полуфинал соревнований гонщиков, сыщики ехали молча. Когда вдалеке показались флаги и баннеры соревнований, Крячко немного встряхнулся и, как всегда, по-дружески доверительно обратился к Гурову:

– Ты не обращай на мою хандру внимания. Я просто вчера с девушкой поссорился. Кретин. Виноват был, а наехал на нее. Ну, меня и отшили. Должен признать, справедливо… Да тут еще этот зуб проклятый.

Крячко снова схватился за щеку. «Пежо» вкатился на огороженную территорию для автомобилей зрителей соревнований.

Припарковавшись, сыщики вышли из машины и пошли по направлению к трассе, где проводились заезды. У огражденного специальными пластиковыми и резиновыми щитами трека на повороте показался автомобиль. «Восьмерка», корпус которой был сплошь покрыт рекламными наклейками. Автомобиль с ужасающим ревом пронесся мимо двух одиноких зрителей в лице Гурова и Крячко.

– Быстро, – заключил Станислав, когда машина, за доли секунды преодолев участок прямой, где находились сыщики, скрылась за следующим поворотом.

– Да ты посмотри, здесь даже зрителей нет в округе, – сказал Гуров, шагая вдоль трассы к повороту, за которым скрылась стремительная «восьмерка». – Значит, и нам туда.

Дорога шла наперерез через березовые посадки, образуя крутую змейку. Наконец за последним поворотом показалась огромная открытая площадка, вокруг которой за ограждениями толпились люди. Дальше от площадки дорога делала поворот на девяносто градусов, огибая скромную постройку, на самой крыше которой красовалась зазывная вывеска придорожного кафе.

– Ну что, начнем с Верницкого? Как ты думаешь? – обратился Гуров к своему напарнику. Лицо последнего выражало крайнюю степень страдания мучающегося зубной болью человека. – Да что тебя спрашивать?…

Гуров махнул рукой и направился к входу в кафе. Крячко неспешно поплелся за своим напарником. Они вошли внутрь. Посетителей практически не было. Тусклый свет небольшого помещения слабо освещал пять-шесть массивных деревянных столов с такими же лавочками. Над столами низко свисали большие люстры, полукруглые абажуры которых были выкрашены в насыщенно-зеленый цвет. В общем, в кафе было довольно уютно, несмотря на то, что помещение скорее напоминало старую доисторическую таверну. В углу за самым дальним столиком сидели двое дальнобойщиков и тихо о чем-то беседовали. Недалеко от кафе стоял грузовик, груженный мебелью.

Гуров прямиком направился к бармену и, показав ему свое удостоверение, осведомился, где можно найти Антона Верницкого.

– Верницкий? Да был где-то здесь, – неохотно ответил служитель кафе.

В руках у него было белоснежное полотенце. Он брал с держателя, прикрепленного к потолку, фужеры и старательно протирал их.

– Выйдете из кафе, а там, если повернуть налево, есть лавочки. Он наверняка где-то рядом. Невысокого роста парнишка в синем спортивном костюме. Молодой.

– Слушай, не сочти за труд, проводи нас к нему. А то там на улице толпа. Хрен его там найдешь, – вклинился в разговор Крячко, явно посвежевший после приема обезболивающего.

– А этот с вами? – Бармен кивком головы показал на Крячко и выжидающе уставился на Гурова.

– Да, он со мной, – резко ответил полковник.

Бармен положил на стойку полотенце, вернул фужер в держатель и двинулся к выходу.

– А что, соревнования уже закончились? – поинтересовался Гуров, продвигаясь вслед за провожатым.

– Сейчас будет последний заезд, но он уже ничего не решает. А Верницкий откатал. Кстати, его можно поздравить. Скорее всего он победитель. Если не произойдет никаких катаклизмов, – говорил бармен, продвигаясь между столиков к выходу. – В последнем заезде участвуют, как правило, чайники и новички, которым просто позволяют покататься на соревнованиях, чтобы улучшить мастерство. Реально они ни на что не претендуют. А вот и он! – воскликнул бармен, столкнувшись в дверях лицом к лицу с коренастым молодым человеком.

– Ты чего орешь, баран? – Неожиданно Верницкий сделал большой шаг вперед, оттеснив бармена назад в помещение.

– Антон, ты чего это? Зазнался, что ли? – Под натиском Верницкого бармен опасливо отступил назад.

Сыщики расступились, пропуская парочку внутрь помещения, и закрыли собой проход. Верницкий продолжал наступать.

Гуров почувствовал, что Крячко напрягся, готовый в любую минуту сделать бросок, но полковник успел схватить напарника за руку.

– Подожди, успеем. Посмотрим, что будет дальше, – прошептал он.

– Антон, тут из милиции, – пролепетал бармен, продвигаясь все глубже в помещение кафе.

Его слова подействовали на Верницкого магически. Тот остановился, молча развернулся и посмотрел на Гурова и Крячко, которые спокойно встали в дверях, закрывая ему путь к возможному отступлению.

– Из милиции, говоришь? А чего надо? – Не меняя тона, Верницкий обратился уже к обоим сыщикам.

– По вашу душу, Антон… Извините, не знаем, как по отчеству, – иронично бросил Гуров.

– Может, на улице поговорим? – Голос молодого человека оставался все таким же вызывающим.

– Зачем же на улице? Давайте здесь. Тут как-то уютнее. – Гуров показал на деревянную лавочку, стоящую у ближайшего к Верницкому столика, жестом предлагая ему сесть.

– Вась, сгоняй-ка, пригласи кого-нибудь из наших, – не унимался гонщик.

Бармен уже двинулся в сторону выхода, чтобы исполнить приказание новоиспеченного чемпиона, но Крячко преградил ему путь.

– Не надо, Вася. Оставайся здесь. Ты тоже можешь понадобиться, – сказал он, глядя в глаза молодому человеку.

В это мгновение Верницкий с силой толкнул его в плечо. От неожиданности Станислав потерял равновесие и, споткнувшись о лавку, едва не повалился на пол.

– Ты что, легавый? Главный здесь? Пришел на машинки посмотреть и в штанишки наделал? – Верницкий продолжал наступать на Крячко, у которого руки сжались в кулаки, а лицо залилось багровым цветом.

– Стас, спокойно! – сказал Гуров, понимая, что еще чуть-чуть – и потасовка может принять стихийный характер. Он сделал шаг по направлению к Верницкому. Расстановка сил была явно не в пользу последнего. За спиной у него стоял Гуров, рост которого почти на голову превышал рост молодого человека. Впереди твердо, как стена, расположился разъяренный Крячко. Полковник хлопнул парня по плечу так, что тот отшатнулся в сторону.

– Сядь на лавку! Тебе ясно сказали, не нарывайся, – отчеканил он.

Это не остановило Верницкого. Размахнувшись, он нанес удар правой рукой и угодил в живот Крячко. Сыщик не успел сгруппироваться и принял удар, что называется, открытым корпусом. Из-за малого роста движения молодого человека были быстрыми и юркими.

– Вась, беги за нашими! – прокричал Верницкий, но эти слова уже были лишними, так как бармен, улучив момент, когда оба сыщика были заняты, незаметно выскользнул из кафе.

Убедившись, что удар достиг цели и Крячко был как минимум деморализован, Верницкий развернулся лицом к Гурову и кинулся на нового противника. Тот успел перехватить движение молодого человека и, захватив его правую руку, одним движением перевернул нападавшего спиной к себе. Парень обладал незаурядной реакцией и был гораздо сильнее, чем мог предположить полковник. Он едва не вырвался из рук Гурова, изловчившись нанести удар головой. Полковник не ожидал, что парень сможет так прогнуться, и не успел убрать лицо. Затылок Верницкого разбил Гурову губу. Во рту появился солоноватый привкус крови. Одним движением он уложил Верницкого животом на лавку, еще сильнее заломив тому руку. Парень трепыхался, семеня ногами в разные стороны, свободной рукой пытаясь ухватить Гурова, но тот был начеку.

– Помощь нужна? – вдруг раздалось за спинами участников потасовки.

Крячко и Гуров повернули головы. Перед ними стояли те двое дальнобойщиков, которых сыщики приметили, входя в кафе.

– Нет, ребята, спасибо, – ответил Крячко. – Лучше идите, отдохните пока где-нибудь в другом месте.

Мужчины переглянулись и, убедившись в серьезности настроя сыщиков, развернулись к выходу.

– Ну что, Верницкий, говорить будем или так и останешься забиякой? – сказал Гуров, сплюнув на пол сгустившуюся во рту кровь.

Нижняя губа у него вздулась и покраснела.

– Да пошел ты, козел! – из последних сил, превозмогая боль, простонал парень.

– Во-первых, козел – это ты. А во-вторых, веди себя прилично, если хочешь, чтобы с тобой тоже говорили прилично. – Гуров продолжал держать молодого человека, вывернув ему руку за спину.

– Да пошел ты!.. – заладил парень, едва не плача от боли.

– Я же тебе сейчас руку совсем выверну, если будешь сопротивляться.

Удивительная гибкость и абсолютное отсутствие страха поражали. Полковник про себя отметил, что у него нет ни капли враждебности по отношению к этому бесстрашному молодому парню.

– Ты зачем дядю обидел? – Гуров больше трунил над Крячко, чем над Верницким. – Значит, так, – сказал он, выпуская руку молодого человека. – Сядь спокойно, отдышись. Поговорить надо.

Парень ловко развернулся и в мгновение ока принял вертикальное положение, усевшись на лавке.

– Сволочь! – раздалось в ответ.

– Ты хоть понял, с кем разговариваешь? Мы тут не в детском саду, – произнес Гуров и подсел к Верницкому, загораживая ему выход из-за стола.

Вдруг за дверями кафе послышались какие-то звуки, затем – шаги, и дверь отворилась, впуская в помещение шесть-семь молодых парней, предводительствуемых барменом.

– Всем стоять! – скомандовал Крячко и запустил правую руку за борт вельветового жилета, надетого поверх футболки.

Компания замялась, ожидая указаний бармена. Тот в свою очередь посмотрел на Верницкого. Антон сидел за столом, запертый Гуровым, и потирал опухшую и покрасневшую руку.

– Проходите, – сказал он после недолгой паузы, вновь вызывая Крячко на своеобразную, теперь уже скрытую дуэль.

Вся компания дернулась вперед, собираясь привести в действие указание молодого человека. Только бармен остался стоять на месте и в нерешительности перевел взгляд с Гурова на Крячко. Последний как вкопанный стоял в проходе между столами, опустив обе руки в карманы брюк.

Почувствовав замешательство вожатого, молодые люди замешкались.

– Что встали-то, бараны? Я же сказал, проходите, – вновь послышался голос Верницкого.

– Всем оставаться на местах! – распорядился Крячко.

Его тут же перебили.

– Забодали уже, – высказался один из группы, которая, тем не менее не двигаясь с места, продолжала толпиться у входа в кафе. – Стоять-идти, стоять-идти… Мы в армии, что ли? Давай, проходи, братва.

Парень лет тридцати первым пошел по проходу прямо на Крячко. Оперативник стоял, широко расставив ноги, готовый дать отпор любому, кто попытается помериться с ним силой, и взять реванш за понесенное от малорослого парнишки двойное поражение.

Парень убедился, что Крячко настроен самым серьезным образом, и, сделав несколько шагов по направлению к полковнику, резко повернул направо и сел за ближайший к нему столик. В компании раздался смешок.

Крячко, довольный тем, какой эффект произвел его решительный вид, двинулся к группе молодых людей.

– Сейчас в помещении останутся только те, кто принимает участие в гонках. Остальных попрошу выйти за дверь и подождать на улице. Вас позовут, если понадобитесь. – Оперативник вынул из верхнего кармана жилета свое удостоверение и в развернутом виде показал его молодым людям. – Главное управление уголовного розыска, – прокомментировал он.

В компании послышались шорох и шарканье подошв о деревянный пол. Группа разделилась на две части. Несколько человек, в том числе парень, который сел за столик недалеко от Крячко, остались внутри, остальные, оглядываясь, неохотно стали выходить на улицу.

– Бармен пусть останется, – послышался голос Гурова, который заметил, что хозяин помещения тоже собирается выходить.

На несколько секунд в баре воцарилась относительная тишина. Пока молодые люди занимали места за столиками, Гуров развернулся лицом в центр комнаты, оседлав лавку верхом. За спиной у него, облокотившись обеими руками о стол, остался сидеть Верницкий.

– Значит, так. Мы занимаемся здесь расследованием обстоятельств смерти Михайловского. Все ваши действия будут рассматриваться как материалы следствия. Так что прошу быть предельно вежливыми. – На этих словах полковник повернул голову в сторону Верницкого. Тот, не меняя позы, сидел без движения. – Есть ли здесь, кроме Верницкого, кто-то, кто участвовал в стычке с Михайловским перед заездом?

Нижняя губа полковника распухла и увеличилась почти в два раза, поэтому Гуров слегка шепелявил. Закончив говорить, он сплюнул алый сгусток на пол и стал рыться в кармане в поисках платка.

– Разрешите?… – послышался голос одного из сидящих за столиком молодых людей. Им оказался бармен.

– Да. – Гуров вопросительно посмотрел на парня.

Тот встал, подошел к барной стойке, порылся за ней, затем, сжимая в руке какой-то сверток, двинулся обратно к Гурову. Подойдя вплотную, он протянул полковнику пачку салфеток.

– Тьфу ты, черт! Лучше бы ты сразу себя хорошо вел, – процедил Гуров, но все-таки вынул из пачки одну салфетку. – Итак, кто начнет? Кто посмелее?

В кафе снова воцарилась тишина, которую на сей раз прервал сам Верницкий.

– Ну да, был у нас разговор, – сказал он. – Только он никакого отношения к этому… как его… Ну, к его смерти не имеет. Говорят ведь, его застрелили. А не сам он слетел с трассы…

Голос молодого человека стал менее агрессивным, если не сказать, робким. Но тут на выручку к нему пришел его товарищ. Тот самый бойкий молодой человек, который минуту назад подначивал всю компанию войти в помещение.

– Мы просто сказали ему, чтобы он не больно-то зазнавался, и все. Тоже мне мировая звезда!.. А он с кулаками на Антона… Вот мы и вступились за товарища.

– Он с кулаками? Или все-таки вы с кулаками? – встрял Крячко, заметив разногласия с показаниями Ткаченко, и сел рядом с молодым человеком за соседний столик.

– Нет… – послышался еще один голос из глубины помещения.

Все повернулись к самому дальнему столику, за которым сидел толстый парнишка, который вполне мог бы сойти за школьника.

– Верный подошел к Михайловскому. Они о чем-то говорили. Потом пришел я… Верный слегка подтолкнул Михайловского, а тот уже как…

– Заткнись ты, идиот! – подал голос бойкий. – Лучше уж молчи, если говорить не можешь.

– Стоп! Так не пойдет. Давайте говорить по порядку и по одному, – резко отчеканил Гуров, наводя порядок среди вошедших в раж молодых людей. – Так что же все-таки произошло между вами? – спросил он, обращаясь к Верницкому.

– Да так, ничего особенного. Он просто стал задираться.

– Как задираться? Вы мальчики, что ли? – не выдержал Крячко.

Верницкий бросил на полковника полный презрения взгляд и, не обращая внимания на его реплику, продолжил:

– Я подошел к Михайловскому и сказал, что он не прав.

– Не понял, – прервал его Гуров. – Тебе же сказали, давай начистоту, не трать время. Что произошло? – Гуров стал напирать на молодого человека. – Знаешь что, ты слишком задиристый, как я посмотрю. Так что, будешь говорить или ты только с кулаками смелый?

– Ну… я сказал Михайловскому, что приду первым. Но я правда не хотел, чтобы он разбился или чтобы… его убили… А когда закончился заезд, мне все сказали…

– Теперь понятно, – заключил Гуров. – А кто же все-таки первый ударил? Ты или он?

– Не ударял я его. Я толкнул его слегка.

– Да? Ну, как это было, покажи.

Гуров встал из-за стола и, перешагнув через лавку, остановился в пустом пространстве между столиками.

Верницкий не заставил себя долго ждать. Он тут же с ловкостью обезьяны перескочил через лавку и наотмашь нанес удар в грудь Гурову.

Тот даже не дрогнул.

– Да? Так было? – произнес сыщик невозмутимым тоном.

– Нет, слабее, – прошипел парень и в ожидании уставился на полковника.

– Показывай, – подначивал Гуров.

– Так. – И Верницкий уже более осторожно ударил Гурова в плечо, но тот перехватил движение молодого человека и, сделав захват, снова уложил его на лавку животом вниз.

Крячко торжествующе посмотрел на парня, который, корчась на лавочке в могучих руках напарника, тем не менее не издал ни единого звука. Гуров разомкнул руки, и Верницкий повалился на пол, но тут же, придерживая рукой поврежденное полковником плечо, вскочил на обе ноги.

– Все, вопросов больше нет, – заключил Гуров, отряхивая брюки от возможных частиц грязи, которые могли налипнуть за то время, что оперативники разбирались с компанией гонщиков. – Ведь так, товарищ полковник? – обратился Гуров к напарнику.

– Достаточно. У меня тоже нет, – поддержал его Крячко.

– Хорошо. Тогда перейдем ко второму этапу. Кто нам покажет место, где был убит Михайловский? – спросил Гуров, уже сделав несколько шагов по направлению к выходу.

– Я могу, – отозвался бойкий. – Это я влез первый в машину, когда Михайловского снесло с круга.

– Отлично. Все остальные пока свободны, – сказал Гуров, следуя к выходу.

У самых дверей он приостановился и бросил вопросительный взгляд на Верницкого. Тот заметил, что полковник не сводит с него глаз, и, встав из-за стола, последовал за сыщиками в компании остальных гонщиков. К месту аварии пошли все.

Выйдя из кафе, Гуров обратился к Крячко:

– Как впечатление? Что скажешь?

– Ну, развлеклись по полной. Детский сад какой-то, – ответил напарник, следуя за группой молодых людей, молча шагающих к повороту, где машина Михайловского сошла с круга.

Глава 3

Наконец-то Кулон попал из удушающей жары в рай прохлады, в рай с кондиционером. Это был маленький кабак – полуподвальчик. Кабак был оформлен в русском стиле и находился недалеко от Белорусского вокзала. Кулону нравились грубые тяжелые деревянные столы, по обе стороны которых стояли такие же грубые лавки. Здесь все было основательным, крепким, внушительным. Впрочем, как и сам Кулон. Он вообще любил все масштабное и все русское. Здесь эти вещи соединялись в одно целое, и поэтому тут он чувствовал себя особенно комфортно.

Кулон остановился в дверях и сделал глубокий выдох. Он почувствовал облегчение, как будто вместе с воздухом он избавился от накопившейся усталости за длинный знойный день. Была половина восьмого вечера, а жара на улице стояла, как в полдень. Солнце зло палило, расплавляя асфальт и доводя мозг до кипения. Кулон еще раз глубоко выдохнул. Стол, за которым он обычно располагался, был свободен. Медленно, наслаждаясь прохладой, исходившей от кондиционера, Кулон подошел к своему месту и сел, как всегда, лицом к двери, чтобы видеть входящих. Он окинул помещение вялым взглядом. Народу было мало, и это Кулону понравилось. Он вообще не любил, когда было многолюдно. Ни здесь, ни в каком-либо другом месте. А сегодня это было бы еще и некстати.

К столу подбежал официант, маленький щуплый парнишка лет двадцати. Рыжеволосый и чересчур конопатый, он был одет в белую рубаху с кроваво-красными петухами, подпоясанную таким же красным кушаком. От кровавых петухов и огненной шевелюры паренька у Кулона зарябило в глазах, и из-за этого он не сразу разобрал надпись на бейджике: Иван.

– Чего желаете? – очень бодрым и визгливым голосом пропищал официант, расплываясь в радушной улыбке.

– Пиво. Темное, – тяжело проговорил Кулон. Каждое слово давалось ему с трудом.

– Какое предпочитаете? У нас есть…

– Холодное, – резко прервал Кулон, не дав официанту закончить начатую фразу.

Улыбка сползла с конопатого лица парнишки, когда его глаза встретили усталый и злой взгляд Кулона.

– Да, конечно, – промямлил он еще более высоким голосом, ставя на стол пепельницу, и буквально побежал выполнять полученный заказ.

«Какой ты, к черту, Иван! – тем временем размышлял про себя Кулон, провожая взглядом исчезающего официанта. – Ты – Мойша. Или в лучшем случае Абрам. Вон нос у тебя до подбородка свисает, и глаза меленькие, черненькие… У Иванов глаз таких не бывает… И носов таких не бывает… Да и рыжих тоже не бывает».

Кулон почувствовал, как его мысли начинают ходить по кругу, и от этого разозлился на официанта. Внешне он остался спокоен. Только немного расправил плечи, провел ладонью по крепкой накачанной шее и перевел взгляд на посетителей бара, которых было всего трое. Влюбленная парочка и мужик через два столика от них. Молодые люди сидели напротив друг друга, держались за руки и о чем-то шептались.

«О сексе наверняка щебечут, – морщась, подумал Кулон. – И не лень им в такую жарищу».

Мужик сидел к нему спиной и находился в тени, поэтому Кулон не мог толком разглядеть его. Да и не хотел.

Несвязные и тягучие размышления об окружающей его действительности прервал голос Скулатого:

– Здравствуй, Кулон.

Кулон резко повернулся на голос и через секунду совершенно спокойно произнес:

– Черт! Как кошка подкрался. Ну, чего стоишь? Вид загораживаешь. Присядь.

Скулатый присел напротив и, твердо посмотрев в глаза Кулону, негромко сказал:

– Михайловский погиб.

Пару минут они молча сидели, глядя друг другу в глаза. Только что озвученная Скулатым информация для Кулона была не только неожиданной, но и крайне нежелательной. На его лице не отобразилось ни удивления, ни разочарования. Кулон отлично умел владеть своими эмоциями. Любую информацию, даже самую негативную, он рассматривал с точки зрения выгоды для себя. Он знал, что безвыходных ситуаций не бывает. Кулон занимался бизнесом, где должники иногда пропадали, и их приходилось разыскивать. Иногда они погибали, и приходилось разыскивать их родных… А иногда от должников приходилось просто избавляться. Но все это происходило, если только этого хотел Кулон. И только тогда, когда он этого хотел. Случай с Михайловским сюда никак не вписывался. Сумма, которую он задолжал Кулону, была внушительной, и его смерть в планы Кулона пока не входила.

Еще немного помолчав, Кулон наконец-то задал вопрос:

– Как?

– Пуля, – односложно ответил Скулатый.

Как из-под земли вырос официант, поставил перед Кулоном бокал темного пива и, улыбаясь, спросил:

– Что-то еще бу…

Слова застряли у него в горле, когда Кулон молча поднял на него глаза, и, не собираясь заканчивать фразу, парнишка молниеносно исчез.

Кулон вновь посмотрел на Скулатого. Он знал о людях, которые на него работали, все или практически все. И особенно его интересовало то, что от него пытались скрыть. Скулатый по непонятным причинам кое-что утаил из своего прошлого. А прошлое это было во многом типичным для людей вроде Кулона. Спортсмен, дзюдоист, получивший травму колена в начале блистательной карьеры. Затем начал спиваться и, как это часто бывает, потерял все. Сначала уважение, потом друзей, квартиру, родных… Пять лет назад он бросил пить и приехал из родного Свердловска в Москву. Перебиваясь случайными заработками, от каменщика до вышибалы, грузчика, таксиста, Скулатый параллельно искал выход на нужных и сильных людей. Все это он рассказал еще при первой встрече Кулону два года назад. Все, кроме того, что он был мастером спорта по биатлону. Об этом Кулон узнал уже позже.

«Не твоя ли это пуля догнала Михайловского? – размышлял про себя Кулон. – Насколько мне известно, стрелял ты лучше, чем бегал. Вот оно как выплыло. Неужели на мое бабло позарился? Хотя это как-то на него не похоже… Неужели на кого-то еще работает, гнида?»

Вслух же он произнес:

– А бабки где?

Голос его при этом был спокойным и тихим. Больше, чем ответа, Кулон ждал прокола со стороны Скулатого.

– Не успел взять, – ответил тот, так же спокойно глядя в глаза Кулону. – В него выстрелили на треке, прямо во время гонок. Бабло он обещал отдать после заезда. С ним Ткаченко должен был рассчитаться и за эту, и за две предыдущие гонки…

– Меня подробности не интересуют, – прервал его Кулон. – Я тебе дело поручил, а ты его не выполнил.

Он пристально смотрел в лицо Скулатому, все еще ожидая, что тот выдаст себя.

– Дело я закончу. Из кого выбить бабки, найду, – твердо и уверенно ответил Скулатый.

– Конечно, найдешь. И из кого бабки выбить, и кого за лишний напряг наказать. Мне на Михайловского насрать, ты же знаешь, но тот, кто убрал его, планы мне попутал. Да и

настроение, честно говоря, испортил. Не мог он не знать, что эта гнида гоночная мне бабки должна. Вся Москва об этом знает. – И, перегнувшись через стол, почти соприкоснувшись лицом со Скулатым, с улыбкой вкрадчиво закончил: – Значит, не уважает меня. Обидеть хотел. А я этого не люблю и не прощаю.

Скулатый не успел ничего ответить. Кулон перевел взгляд на входную дверь. Ни один мускул не дрогнул на его лице. Рука Кулона, взявшись за цепочку, висевшую на шее, скользнула по ней вниз и, наткнувшись на амулет, зажала его в кулак. Не меняя ни выражения лица, ни тона голоса, все такого же вкрадчивого, Кулон сказал:

– Не дергайся. К нам гости.

Кулак Кулона разжался, и он опустил на стол рядом с бокалом пива три пальца. В проеме входной двери стоял его конкурент Кореец с двумя низкорослыми качками из своей своры. Кореец и сам был небольшого роста, а потому старался себе в охрану никого выше себя не брать.

Скулатый расценил жест Кулона как предупреждение. Внутренне сконцентрировавшись и распределяя силы на троих, он уже был готов к схватке, но Кулон тихо прошептал:

– Не теперь. Расслабься, братуха.

– Желаю здравствовать, – громко и радостно, выговаривая каждое слово, начал Кореец еще в дверях и, подойдя к столу, тихо продолжил: – Какая радостная и необходимая встреча.

Несмотря на указание Кулона, внутреннее напряжение Скулатого росло. Корейца он отлично видел, тот встал рядом, почти вплотную к столу, а вот сопровождающих Корейца он видеть никак не мог. Они остановились за спиной Скулатого. Это его раздражало, потому что не позволяло контролировать ситуацию.

– И тебе здоровья, Кореец, – преувеличенно дружелюбно ответил Кулон. – Я вижу, ты случайно сюда зашел. И друзей, по дороге встретив, сюда пригласил.

– Люблю, когда ты шутишь, Кулон. Это радует. А зашел я, конечно, не случайно. Знал, что ты здесь. Знаю, что любишь это место. – Выражение лица Корейца резко переменилось. Его лицо, до этого напоминавшее плюшевого мопса, сейчас вдруг приобрело черты самурая. – Поговорить нам нужно, Кулон.

Скулатый, от которого не укрылась эта резкая перемена в Корейце, стал еще собраннее и был готов действовать в любой момент, ни на секунду не забывая, что два недомерка за его спиной тоже не расслабляются.

– Ну-у… – протянул Кулон. – Если нужно, садись, перетрем.

Кореец на секунду замешкался, размышляя, куда сесть. Выбор, собственно говоря, был невелик. Либо сесть на лавку рядом с Кулоном, либо напротив, рядом со Скулатым. Повернув голову, Кореец заметил официанта, щелкнул пальцами и этой же рукой указал на пол. Официант принес деревянный табурет и поставил его для Корейца у торца стола. Одарив всех присутствующих все той же широченной дежурной улыбкой, он моментально исчез.

Кореец присел на табурет, предоставив на рассмотрение Скулатому свой плоский профиль. Скулатый подумал, что если не брать во внимание белоснежную очень дорогую рубашку Корейца и не знать, чем он занимается, то его вполне можно было бы принять за продавца обуви с Черкизовского рынка.

– Чувствую, базар намечается непростой, – медленно выговорил Кулон. Не глядя на Корейца, он достал из кармана сигареты с зажигалкой и закурил.

– Серьезный. – Кореец положил руки на стол и сцепил пальцы в замок. Немного помолчав, он продолжил: – Ты, наверное, не в курсе, а некрасиво получается, Кулон. Ребята твои уже месяц на моей территории пасутся, цену сбивают, клиента уводят. Я их трогать не стал, решил с тобой посоветоваться.

– С каких это пор ты таким осторожным стал? Когда дерьмо под видом нормального товара гнал, ты со мной не советовался. Тогда ты самостоятельным был. А ребят ты моих не

трогаешь, потому что территория эта не твоя. И ты, Кореец, благодарить меня должен, что ребятки мои до сих пор псов твоих на куски не порвали.

– Ай, зачем ругаешься, Кулон. Я пришел мирно вопрос решить. Что товар дерьмовый на рынок пустил, не отрицаю. Так ведь я вину свою признал и неустойку тебе по полной программе уплатил… Да и процент немалый с территории отстегиваю.

– Неустойку ты мне за моральный ущерб уплатил, а территорию просрал. – Кулон с силой раздавил в пепельнице сигарету, положил руку на запотевший от холода бокал с пивом и тихо добавил: – Не обижайся, Кореец, но зря ты ко мне пришел. Разговаривать не о чем.

– Подожди, не торопись, Кулон. За бабло, которое ты мне в долг дал, я тебе благодарен… Долг уплачен, а ребята твои мою территорию все еще доят. Я это место три года контролирую. Ментов кормлю, шушеру динамовскую гоняю… – Кореец убрал руки со стола. – Жарко сегодня… Слушай, я все понимаю: ты устал, я устал. Но я к тебе не ссориться пришел. Я тебе дело пришел предложить. Убери своих ребят. Я тебе с этого места десять процентов отстегивать буду.

Кулон отпустил бокал и положил руку себе на затылок. Он с наслаждением почувствовал, как прохлада через ладонь распространяется по всему телу. И, поглядев на Корейца, спокойно сказал:

– Двадцать пять с оборота, и расчет каждую неделю.

Кореец нервно дернул головой.

– Да ты, Кулон, меня разорить хочешь. Десять – цифра хорошая. Неужели тебе мир не нужен?

– А ты меня войной не пугай, – ухмыльнулся Кулон и, посмотрев на Скулатого, перевел взгляд на охрану Корейца. – Я войны не боюсь.

Скулатый по-прежнему был готов среагировать в любой момент. Два недомерка за его спиной зашевелились, но Кореец сделал рукой останавливающий жест.

– Спасибо за базар, Кулон. – Он медленно поднялся и, уже стоя, добавил: – Ты подумай, десять процентов – это много и…

– Ты думай, – прервал его Кулон. – Только не долго. Через неделю я новый товар на рынок пущу. Мне цену сбавлять – резона нет. А пока пусть все остается, как было. Моих не трогай, со своими базар не перетирай. Всем о наших делах знать не обязательно. Надумаешь, поговорим.

– Поговорим, – эхом откликнулся Кореец. – Ну что ж, будь здоров, Кулон.

– И ты не кашляй.

Кореец направился к выходу. Вдруг он резко повернулся, сделал два шага к столу и, глядя Кулону в глаза, сказал:

– Послезавтра поговорим.

– В Измайловском в шесть, – не задумываясь ни секунды, ответил Кулон.

Кореец улыбнулся и вышел из кабака, уводя с собой охранников, как хозяин уводит собак.

Несколько минут Скулатый и Кулон молча смотрели друг на друга. Сейчас их ощущения были очень похожи. Они оба понимали, что это война, и оба хотели этой войны. Кулону были нужны новые территории. Скулатому более высокое положение при Кулоне.

Кулон готовился к этой войне полгода. Когда Корейца с товаром взяли менты, в помощи ему отказали все. Кулон же воспользовался ситуацией, дал в долг деньги Корейцу и за это обложил пятидесятипроцентной данью его территорию. Он знал, что доведет дело до конца. Ему не нужны были ни деньги Корейца, ни проценты с оборота. Ему была нужна земля Корейца. Это был вопрос времени, и сейчас это время пришло.

– Я вижу, Скулатый, у тебя глаза загорелись, – улыбнулся Кулон. – В бой рвешься?

Скулатый, не моргая, смотрел на Кулона и молчал.

– Странный ты какой-то, – продолжил Кулон. – Не поймешь тебя. Вот и сейчас не разберу, то ли ты рад, то ли свою игру затеваешь… Ходишь, как кошка, и ведешь себя так же. Сам по себе…

– Да какая игра, Кулон? – вскинулся подельник. – Если мне встречу поручишь, все как надо сделаю. Я тебя ни разу за два года не подвел.

– Ни разу, говоришь?… Что, думаешь, время пришло подвести?… Ну вот, желваками заиграл. – Кулон издал звук, отдаленно напоминающий смех. – Шучу. А время и вправду подоспело. Пора тебе серьезным делом заняться. Хватит бабло у обдолбанных наркош выбивать. Для этого у меня помоложе бойцы найдутся.

– Спасибо, Кулон. Послезавтра оправдаю твое…

– Послезавтра? – раздраженно перебил Кулон, а уже через секунду заговорил со Скулатым, как с маленьким, ласково растягивая слова: – Послезавтра поздно будет, Скулатый. Послезавтра меня может уже не быть. Или тебя. Дело надо сегодня начинать. Сейчас.

– Понял. Скажи, кого надо собрать, я соберу, – живо отреагировал Скулатый.

– Нет, кого надо собрать, ты сам определишься, – продолжил Кулон уже серьезно. – На меня давно работаешь, людей моих достаточно успел узнать. Стрела на Измайловском мирно не пройдет. Корец в угол зажат, ему деваться некуда. Стрела эта – его последний шанс, он до конца пойдет. Да и мне хватит тянуть, определяться пора. – Он пристально посмотрел в глаза Скулатому. – Так что ребят метких подбирай. У самого с этим делом как?

– В порядке.

– Да, умно говоришь, Скулатый. Ничего лишнего. Что ж, посмотрим, как на стреле себя проявишь. Ладно, ступай. Заболтался я с тобой и даже пиво не попробовал. Про дело Михайловского не забудь. На тебе это дело. Иди.

Скулатый встал и, не прощаясь, быстрым шагом вышел из кабака. Только оказавшись на улице, он почувствовал, что смертельно устал. Слишком много событий произошло за сегодняшний день. Ему нужна была передышка. Просто необходима. Остановившись, Скулатый посмотрел на небо. Он был чужд романтики и сейчас, рассматривая тоненький месяц, думал о травмированном колене, которое безумно ныло. Немного постояв так, он взглянул на часы. Было без десяти одиннадцать. Скулатый достал ключи и нажал на сигнализацию. Из ряда припаркованных машин отозвался старенький, видавший виды «Фольксваген». Скулатый направился к нему.

Конечно, он мечтал о другой машине. Легком, но мощном спортивном автомобиле. Лететь на нем вот такой ночью по трассе, не думая ни о чем. Улетать от всего и от всех. Это была его давняя мечта. Сейчас у него было достаточно денег, чтобы купить такую машину. Но Скулатому лишние рисовки были пока ни к чему. Для начала нужно было улететь от всего и от всех. Прочь от этих тупых, жадных и жалких людей. Прочь из этой нищей грязной страны. Там, очень далеко отсюда, у него будет все. И мощный спортивный автомобиль, и огромный особняк с видом на океан, и солидный счет в престижном банке, и даже новое имя. Кое-какие прикидки на эту тему уже имелись.

Скулатый сел в машину и опустил руки и голову на руль. Он понимал, что нужно ехать, но из-за усталости никак не мог решить – куда. К себе он ехать не хотел. Одиночество заставляет размышлять и приводит к бессоннице. Сегодня это уже было бы лишним. Скулатому нужно было выспаться. А лучше всего ему спалось после секса.

Скулатый достал из кармана телефон и набрал номер. Он услышал длинные гудки, а затем низкий женский голос произнес:

– Да, слушаю.

– Тамарочка, это я.

– Дима! – радостно вскрикнула невидимая взгляду Тамара. – Димочка! Где ты?

– Еду к тебе, – коротко бросил Скулатый. – Ждешь?

– Ну, да… Конечно, – кокетливо протянула Тамара через паузу и с укоризной добавила: – Конечно, жду. Я тебя всегда жду. Ты же знаешь. Ты далеко, Дима?

– Не очень. Буду через пятнадцать-двадцать минут.

– Приезжай быстрее. Целую. Жду.

Невидимая Тамара положила трубку. Скулатый отключил телефон, бросил его на соседнее сиденье и завел мотор. Машина заревела, тронулась с места, а через минуту он уже ехал по Тверской. Скулатый не любил эту улицу из-за дневных пробок. Но сейчас был вечер. Дорога была практически пуста, и можно было расслабиться. Как только он об этом подумал, его начали посещать беспокойные мысли. Почему он позвонил именно Тамаре? Почему не позвонил другой бабе? У Скулатого их было более чем достаточно. Неужели он хотел поехать именно к ней? Неужели он начал к ней привязываться?…

«Нет, – успокаивал он себя после недолгого размышления на эту тему. – Просто ее телефон легко запоминается. И в этом все дело».

Чувств Скулатый к ней особых не испытывал, но Тамара была неплохим вариантом отношений без обязательств. Таких, какие и нужны мужчине его склада. Хотя ласки Тамары были и незатейливы, а секс с ней был, в общем, однообразен, их отношения продолжались почти год. Фантазия Тамары не отличалась оригинальностью. Она была просто удобна Скулатому. Лишних вопросов не задавала, внимания много не требовала, да и денег никогда не просила. Брала, только если Скулатый сам давал. Он приезжал, когда хотел, уезжал, не договариваясь о следующем визите… И вообще был волен поступать, как пожелает. А что еще нужно? Скулатый был по отношению к Тамаре равнодушно-спокойным. Он не мог сказать, умна она или нет, красива или не очень. По большому счету, Скулатого все это и не интересовало. В отношениях с женщинами он всегда придерживался правила трех «не». Не влюбляться, не привыкать, не привязываться. С Тамарой это правило срабатывало на все сто процентов.

Скулатый уже практически подъехал к дому Тамары в районе Текстильщиков. Ему осталось только повернуть и въехать во двор, но именно перед этим последним поворотом появился гаишник и взмахом полосатой палочки остановил «Фольксваген» Скулатого.

– Черт! Вот дерьмо! Откуда же ты выполз, пидор вонючий? – выругался Скулатый, остановив машину.

Попутно он уже открыл бардачок, достал права, техпаспорт и довольно пухлый портмоне из натуральной кожи. Скулатый правил не нарушил, ничего противозаконного не перевозил, документы у него были в порядке, но деньги он предпочитал отдавать заранее. Все равно гаишник найдет, к чему придраться, если очень захочет. Это было твердое убеждение Скулатого. Однако дежурных пятисот рублей в портмоне не оказалось. Тогда, сложив тысячерублевую купюру и сунув ее между ламинированными корочками, Скулатый вышел из машины.

– Добрый вечер, – фальшиво-равнодушным голосом произнес гаишник и козырнул. – Сержант Барков. Попрошу ваши документы.

Гаишник был молод, и, чтобы казаться старше и значительней, он все старался делать как бы через силу. В утрированно замедленном темпе. Получив в руки документы, сержант сдвинул брови и сделал вид, что изучает права.

– Так… Дмитрий Сергеевич, – начал он деловито, переходя от прав к техпаспорту, но, заметив тысячную купюру, замолчал. Не торопясь, убрал деньги к себе в карман и, посмотрев на Скулатого, не меняя тона, почти скомандовал: – Откройте багажник.

«Молодеет и борзеет московский мент», – подумал Скулатый, исполняя распоряжение сержанта.

Гаишник не долго простоял у открытого багажника. Протянул Скулатому документы и, козырнув, довольный собой, попрощался.

– Приятного пути, Дмитрий Сергеевич.

– Спасибо, – ответил Скулатый на ходу, уже садясь в машину.

«Вот дерьмо! Обнаглели совсем, – обругал он гаишника, убирая на место деньги и документы. – За штуку мог бы и сразу отпустить, козел. А он клоунаду минут на пятнадцать разыграл. Документы, багажник… Урод! Ладно, купишь сегодня своей бабе, кроме конфет, еще и цветы… Кстати, о бабах. Что-то я о Тамарке не подумал. Не с пустыми же руками к ней идти».

Дом Тамары был рядом, поэтому Скулатый решил сначала припарковать машину у нее во дворе. Он поставил «Фольксваген» на сигнализацию и уверенно направился через дорогу в маленький круглосуточный магазин. Еще заезжая во двор он заметил светящуюся вывеску «Продукты. 24 часа».

Скулатый, конечно, предполагал, что ассортимент в магазинчике будет скуден. Но не ехать же ему в центр в половине двенадцатого ночи. Он слишком устал, чтоб удивлять кого-то. И уж тем более обычную бабу.

В магазине стоял тошнотворный запах кислятины. Скорее всего испортился холодильник, что было неудивительным в такую жару. Охранник с недовольной физиономией нехотя взглянул на Скулатого и отвел взгляд в сторону. За кассой, на фоне унылых полок, расположилась молоденькая симпатичная продавщица с роскошными пепельно-русыми волосами. Она сидела, склонившись над газетой с кроссвордом, и задумчиво покусывала карандаш.

– Сухой мартини и коробку конфет, – выдал Скулатый, подходя к прилавку.

Девушка положила карандаш на газету и, повернувшись к Скулатому спиной, протянула руку к бутылке.

– Две, – уточнил поздний покупатель, любуясь достоинствами фигуры продавщицы.

Узкие плечи, тонкая талия и округлые бедра девицы разбудили его воображение. Мысленно Скулатый ее уже раздел, и его фантазии были крайне смелыми, когда девушка поставила на прилавок бутылки и, демонстрируя обиду, проговорила:

– Раньше не могли сказать?

– Извините. На вас засмотрелся, – признался Скулатый, все еще представляя ее без одежды.

– Конфеты какие? – Кокетливо улыбаясь, продавщица поправила вьющуюся прядь волос.

– Шоколадные. И, естественно, хорошие, как вы, – ответил Скулатый и подмигнул.

Девица глупо хихикнула и положила на прилавок большую коробку «Пьяная вишня».

– Вам пакет нужен?

– Мне нужны вы!

После этой фразы Скулатого она звонко расхохоталась и ловко сложила покупки в пакет. Расплатившись, Скулатый взял пакет и одарил на прощание продавщицу лучезарной улыбкой. Затем вышел из магазина, ощущая необыкновенную бодрость и беззаботность. Усталость как будто улетучилась, все проблемы ушли на второй план, и даже боль в колене немного утихла.

«Как мало, в сущности, нужно человеку. Невинная фантазия о голой бабе, и вот ты снова молод, весел и полон сил».

С этими мыслями Скулатый быстрым шагом перешел дорогу, через минуту набрал код подъезда и с легкостью взбежал на последний этаж Тамариной пятиэтажки. Он уже собирался нажать на кнопку звонка, когда заметил, что дверь в квартиру Тамары приоткрыта. Все чувства Скулатого мгновенно обострились. Сейчас он действительно напоминал кошку, которая одновременно была готова и к нападению, и к защите. Скулатый тихонько толкнул дверь ногой. Дверь издала неприятный скрип и медленно начала открываться, как вдруг с внутренней стороны ее резко дернули на себя. Скулатый отпрыгнул и прижался к стене.

На лестничную клетку выбежала Тамара.

– Димочка! Где ты, любимый? – ласково пропела она.

– Дура, – прошипел ей в спину Скулатый.

Тамара резко обернулась и, засмеявшись, обвила его шею руками.

– Испугался, испугался. Господи, как же я соскучилась, Димочка!

– Что за шутки? – все еще продолжал злиться Скулатый.

Она немного смутилась.

– Ну, тебя долго не было. Я сначала в окно смотрела, а потом… Ну, прямо почувствовала, что ты за дверью стоишь. И побежала к тебе. А ты здесь. Любимый!..

– А чего дверь-то открыта была! – Скулатый постепенно приходил в себя. Он начал освобождаться из цепких объятий Тамары.

– Так ведь жарища, – пояснила она. – Пусть, думаю, открытой побудет. Ну, чтоб сквозняк. Понимаешь?

– Вот дура, – снова произнес он. – Ладно, иди. Нечего здесь орать.

Скулатый отдал Тамаре пакет. Она заглянула внутрь, прижала пакет к груди и направилась в квартиру, на ходу щебеча:

– Все самое любимое… Ну, какой же ты внимательный, заботливый…

Скулатый направился за ней, чувствуя, как в нем с новой силой нарастает раздражение от ее бестолковой трескотни. Очутившись на кухне, которая по своей стерильности напоминала операционную, он обессиленный рухнул на стул. Усталость обрушилась на него внезапной лавиной. Колено ныло и дергалось от боли, как будто нога хотела оторваться. Голова разрывалась от множества мыслей, нахлынувших одновременно: «Кулон как-то странно себя вел. Кого первым выставить на стреле? Сколько лет продавщице? Кореец знает, кто его подставил? У Тамары резкий смех… Кто будет смотрящим на территории Корейца, когда она отойдет Кулону? Стрелку я проведу. Надо. Я действительно уже подзадержался в рядовых вышибалах. Пора подниматься. Сначала надо закрепиться при Кулоне, а потом на других людей выходить, посолиднее. Пора валить отсюда… Просто необходимо валить! А сколько мне Кулон заплатит за стрелу? А сам он сколько стоит?…»

Это уже напоминало безумие. Скулатый опустил голову и с силой сжал ладонями виски.

– У тебя голова болит?

Вопрос Тамары заставил его опомниться.

– Нет. Все в порядке. – Он только сейчас заметил, что за то время, пока он задавал сам себе вопросы, на столе появились конфеты, мартини, сыр, маслины…

– У меня есть замечательные рубленые котлеты, – не успокаивалась Тамара, выставляя на стол еще какие-то закуски. – Я тебе…

– Я сыт.

Скулатому не хотелось есть. Чего ему действительно хотелось, так это чтобы Тамара сейчас исчезла. Он был зол на нее. «Нечего сказать, – про себя ругался Скулатый. – Приехал к этой идиотке, чтобы расслабиться, чтобы ни о чем не думать, сексом, в конце концов, заняться, заснуть по-человечески… А она этой дверью так напрягла, что теперь и секса не хочется, и спать ляжешь – не заснешь. Только мысли паршивые в голову лезут. Вот черт!»

– Ну, если есть ты не хочешь, тогда… – Тамара, как в немом кино, широким жестом приложила указательный палец к сомкнутым губам и на цыпочках, как будто боялась кого-то спугнуть, вышла из кухни.

Через секунду раздались звуки начальных аккордов заезженной мелодии из кинофильма «Красотка». В дверном проеме кухни в темно-бордовом с черным кружевом, по всей вероятности, очень дорогом белье, картинно заломив руки за голову, стояла Тамара. Такого

поворота событий Скулатый предвидеть не мог, происходящее повергло его в шок, и он впал в состояние, напоминающее кому.

Тамара в ритме музыки начала слегка покачивать бедрами, затем, увеличивая амплитуду, стала добавлять движения руками и корпусом, отдаленно напоминающие волну. Кульминация этого компота, состоящего из танца живота и верхнего брейка, была ошеломляющей. Тамара закинула ногу на косяк, положила руку на бедро и провела по ней языком от плеча до локтя. Больше этого безобразия Скулатый вынести не мог и отвернулся к окну.

Он услышал тихие сдержанные всхлипыванья, которые, постепенно усиливаясь, начали переходить в рыдания. Тамара раньше никогда себе такого не позволяла. Скулатого это одновременно и удивляло, и раздражало.

– Прекрати, – выдавил он сквозь зубы, повернувшись к ней лицом.

Тамара сидела на полу, как-то неуклюже прислонившись к дверному косяку. Крупные слезы ручьями текли по ее щекам, а лицо до неузнаваемости исказила гримаса обиды.

– Почему?… Я хотела… – Тамара пыталась прорваться сквозь собственные рыдания. – Я думала, если очаровать не могу, хоть улыбнуться заставлю.

Она горько усмехнулась сквозь слезы и, уже в голос рыдая, продолжила:

– Зачем я только белье это дорогущее купила? За что, за что? – И добавила шепотом: – Ты такой равнодушный. Как же с тобой холодно. Что же мне делать? Что делать?

Скулатый всегда ненавидел женские слезы и женские упреки. Но сейчас Тамара показалась ему такой беззащитной, что Скулатый, неожиданно для себя, испытал безграничное чувство жалости и нежности к ней.

– Иди сюда. – Он поманил Тамару рукой.

Она покорно поднялась и, по-детски вытирая слезы ладонью, подошла к мужчине. Не вставая со стула, одной рукой он обнял ее за талию, а другой провел по ее длинным каштановым волосам, убирая их с лица. Тамара посмотрела на него мокрыми от слез глазами. Скулатый был поражен, какие у нее красивые темно-зеленые огромные глаза. То, что они зеленые и большие, Скулатый, конечно, знал и раньше, но что они так красивы, заметил впервые.

– Прими душ и ложись. Я скоро приду, – проговорил он, стараясь выглядеть как можно спокойнее, и убрал руку с талии Тамары.

Девушка опустила голову и, все еще всхлипывая, покорно побрела в ванную комнату. Скулатый был удивлен и растерян. Он как будто впервые видел Тамару. Подтянутая, стройная, практически безупречная фигура, правильные тонкие черты лица, густые длинные шелковистые волосы и потрясающие колдовские глаза… Все это Скулатый видел на протяжении года, а рассмотрел и оценил только сейчас.

– Дима! – позвала его Тамара, стараясь перекричать льющуюся воду. – Димочка! Иди сюда!

– Сейчас! – крикнул Скулатый, не задумываясь.

Теперь он твердо знал, что спать сегодня ночью будет очень крепко. На ходу снимая рубашку, Скулатый вышел из кухни, миновал тесную прихожую и открыл дверь в ванную комнату. Занавески не было, и взгляду мужчины предстало обнаженное девичье тело. Струйки воды скатывались с плеч Тамары и с плеском разбивались об эмалированную поверхность. Скулатый скинул с себя брюки. Глаза Тамары азартно загорелись. Он шагнул вперед и тут же заключил девушку в объятия. Тамара машинально потянулась губами к его губам, но Скулатый отстранился. Целоваться с партнершей по сексу было не в его правилах. Только голый животный секс.

Глава 4

– Ты видел расстояние до трибун? – Крячко сел в машину и одним пальцем утопил диск в магнитоле. По салону негромко разлилась музыка. – Шарахнуть с такого расстояния невозможно. Значит, в Михайловского стрелял кто-то из тех, кто находился вместе с ним на трассе. Я вижу это так. Машины проходят рядом друг с другом, убийца поднимает руку с оружием – и шарах! И мчится себе дальше. Скорости у них настолько высокие, что он успел бы уйти очень далеко, прежде чем машина Михайловского потеряла управление и сошла с трассы. А он уже к этому моменту был трупом. Ты не согласен?

– Согласен. Но…

Гуров сам не закончил начатую фразу. Развернув «Пежо», он пустил его в сторону центральной части столицы, а в голове у полковника тем временем крутился план дальнейших действий. С какой стороны подступиться к делу? Где начать копать?

– Какие тут могут быть «но»? – Крячко почувствовал, как его многострадальный зуб снова напомнил о себе ноющей болью. – Убийцу надо искать среди участников заезда. Только среди них. И если это не Верницкий, хотя я должен со всей ответственностью заявить, что этот парень кажется мне гниловатым, то кто-нибудь из той же тусовки.

Гуров недовольно покосился на раздухарившегося напарника.

– С чего такая прямолинейность мышления, Стас? У нас даже нет еще заключения баллистической экспертизы. Это могла быть и снайперская пуля, – сказал он и тут же добавил, заметив, как Крячко, скривившись, коснулся рукой щеки: – Сходи к зубному. Если уж так боишься лечения, выдерни зуб, и все.

– С ума сошел? – Станислав отшатнулся от него с таким видом, будто в руках у Гурова уже был стоматологический бур. – Разве я не рассказывал тебе о том, как уже однажды наведался к зубному года три назад?

– Нет. И что случилось? – Гуров уверенно лавировал в транспортном потоке.

– Я потерял сознание, – признался Крячко, опуская взгляд.

– От боли?

– Да от какой боли? Он ко мне даже не прикоснулся. Я только увидел, как он берет эту штуковину, и… Хлоп! В обмороке.

– Ты шутишь?

– Увы, нет. Я эту зубную братию на дух не переношу. – Станислав нервно поерзал на сиденье. – Под пули лезть я всегда готов, морды бить, если надо, – тоже пожалуйста. Но к стоматологам… Нет! Тут ты меня уволь. Они же все изверги. Ты не знал?

– Я как-то об этом не задумывался, – усмехнулся Гуров.

Крячко огляделся по сторонам и, оторвав руку от лица, поинтересовался:

– А куда мы, собственно, едем? Ты ведь не к зубному меня везешь, я надеюсь?

– Успокойся. – Гуров уже выбросил из головы пустую болтовню о стоматологах и сосредоточился на деле. Лицо его, как и прежде, приняло суровое и непроницаемое выражение. – У меня тут созрела одна мыслишка. Кстати, не без твоей подсказки…

– В самом деле? Что за мыслишка?

– Версию, основанную на том, что Михайловский имел пагубное пристрастие к наркотикам, сбрасывать со счетов было бы с нашей стороны как минимум непрофессиональной оплошностью. Наркоманы – это ведь контингент, буквально притягивающий к себе неприятности.

– И что? – Крячко до сих пор не понимал, к чему клонит напарник.

– Я знаю одного человека, тоже подверженного этой пагубной привычке. – Гуров выключил музыку, мешавшую ему сосредоточиться на теме разговора. – Он проходил у нас

по одному делу как подозреваемый. Но тебе с ним пообщаться не довелось, Стас. Я ему сделал тогда кое-какие поблажки, тем более что и особой вины, как вскоре выяснилось, за ним не было. Парень остался моим должником.

– То есть информатором?

– Ну, в некотором роде, – уклончиво ответил Гуров. Он не любил широко распространяться на подобные темы даже в разговорах с Крячко. – После того случая мне приходилось обращаться к нему лишь однажды, да и то не скажу, чтобы он сильно помог мне. Но теперь… Дело в том, что он тоже гонщик.

– Профессиональный?

– Нет. Он принимал участие только в уличных гонках. Не знаю, приглашал ли его когда-либо к себе Ткаченко, но Карт старался не упустить ни одной возможности посостязаться в скорости. Если ему, конечно, это приносило деньги.

– Карт – это его прозвище? – полюбопытствовал Крячко. – Круто!

– Когда-то он и был крутым, – сказал Гуров. – Я наблюдал его в деле. Хорошо гонял, быстро. Но это было давно. Сейчас Карт если участвует в подобного рода соревнованиях, то крайне редко. Пристроился на какую-то работенку средней руки и в ус не дует.

– А на наркотиках так и сидит?

– Я думаю, да, – задумчиво произнес Гуров. – И мне кажется, Карт должен знать Михайловского. Пообщаемся с ним. Чем больше будет информации, тем лучше…

– Рыба в мутной воде, – мрачно отреагировал Крячко.

Вспыхнувший у него было интерес к персоне Карта так же быстро и улетучился. Все нарастающая зубная боль мешала Станиславу сосредоточиться. Ему бы по душе пришлась сейчас теплая ванна и компресс…

– Я понимаю твой настрой. – Напарник словно прочел мысли Крячко. – И видел, что у тебя изначально не было никакого желания заниматься этим делом. Но даже если ты и прав и Михайловского застрелил кто-то из участников гонки, а не снайпер, отработать придется различные версии. И для начала я хотел бы поговорить с Картом. Ты не против? – иронично заключил Гуров.

– Да ради бога, – отмахнулся Крячко.

– Кстати, мы приехали. Вот его дом.

Стас покосился в окошко. Напарник указывал на широкий девятиэтажный дом, во двор которого они и заехали. Гуров остановил «Пежо» рядом с желтым заградительным шлагбаумом.

– Крайний подъезд. Пошли.

Крячко неохотно выбрался из салона. Гуров поставил автомобиль на сигнализацию и первым направился в нужном направлении. Станислав лениво поплелся следом, продолжая массировать языком больной зуб. Такой нехитрый прием немного притуплял неприятные ощущения.

Карт, как выяснилось, жил на восьмом этаже, и сыщики, поднявшись на лифте, оказались рядом с железной, местами поцарапанной дверью. Гуров нажал кнопку звонка.

– С чего ты взял, что он дома? – спросил Крячко.

– А куда ему деваться? Он большую часть времени проводит дома.

– Ты же сказал, что он нашел работу, – напомнил Крячко.

– Верно. – Гуров кивнул. – Надомную работу. Карт выращивает грибы в шелухе от семечек.

– Да ну! – Станислав вскинул брови и слегка склонил голову набок. – И это так прибыльно?

– Я не пробовал, Стас…

– А зря. Тут есть над чем подумать. Если бросить работу в управлении и раздобыть шелухи…

Он не успел закончить фразу, как дверь открылась и перед сыщиками предстал высокий и худой, как жердь, молодой человек с рыбьими, навыкате глазами и широким покатым лбом. Тощие руки с острыми локтями были заложены в карманы серых спортивных штанов.

– Привет, Карт! – Гуров переступил порог, заставляя хозяина квартиры отступить в глубь прихожей. – Давненько я о тебе ничего не слышал. Сам-то ты как?

– А! Лев Иванович! – Особой радости в голосе Карта не наблюдалось, но в нем вообще сложно было различить какие-либо эмоции. – Я в порядке. Хотя думаю, вы ведь не за этим пожаловали? Не для того, чтобы интересоваться, как поживаю?

– Ты прав, Карт. У нас к тебе дело.

Сыщики один за другим миновали прихожую, но вместо того, чтобы свернуть в грязную, захламленную комнату, всю обстановку которой составляла старенькая панцирная кровать и полиэтиленовые мешки, плотно набитые шелухой, Гуров повел напарника в кухню. Сам Карт замыкал шествие.

– Ну? Как работа?

Кухня выглядела ничем не лучше, чем комната. Грязная посуда в раковине, захламленный стол, два обляпанных чем-то табурета, один из которых стоял чуть под наклоном, и все те же мешки у стен. Картину завершал стоящий в углу пакет с мусором, видимо, использовавшийся Картом вместо ведра. Он был уже доверху заполнен, а часть мусора и вовсе валялась прямо на полу рядом с пакетом. Крайняя конфорка плиты горела, на ней ничего не стояло. Маленькие синие язычки пламени бесцельно облизывали со всех сторон чугунную подставку.

Гуров не стал садиться ни на один из табуретов, а просто остановился посредине.

– Ну, движется потихоньку. – Карт неопределенно повел плечами, придвинул к себе ближайший табурет, уселся на него. – На хлебушек с маслом хватает. Так что не жалуюсь.

Крячко обернулся и повнимательнее пригляделся к парню. Свет из окна падал Карту на лицо, и можно было заметить, насколько оно было бледным и осунувшимся. Вполне типичный вид для наркомана. Крячко готов был поспорить, что Карт и сейчас находился под кайфом. Его глаза говорили об этом более чем красноречиво.

– А гонками еще занимаешься? – задал тем временем новый вопрос Гуров.

Карт извлек из кармана спортивных штанов пачку «Родопи», выбил одну сигарету щелчком большого пальца и вставил ее в рот.

– Не-е-а, – протянул он, шаря рукой в поисках зажигалки. – Мне кайфолом. Уже год, наверное, за руль не садился. Да и где? Своей тачки у меня нет, а казенную какой дурак доверит. У меня же во. – Он вытянул перед собой левую руку, демонстрируя сыщикам, как его пальцы сотрясает мелкая дрожь. – Хотя это еще ничего. Бывает, вообще ходуном ходят. Во время ломки, например. Дерьмово… А вы мне че, хотели какую-то тему реальную предложить?

– Нет, мы по другому вопросу. – Заметив, что Карт так и не смог отыскать зажигалку, Гуров достал свою и бросил ее парню на колени. – Ты Михайловского Виктора знал?

Карт спокойно прикурил и положил зажигалку на стол. На губах у него появилась блуждающая улыбка. Похоже, что с каждой секундой его развозило все больше и больше.

– Допрыгался, значит, пижон? Да? – Звук, который Карт издал при этом, отдаленно напоминал смешок. – Этого следовало ожидать.

– Что ты хочешь сказать? – нахмурился Гуров.

– Меня, конечно, может, и прет, Лев Иванович. – Карт глубоко затянулся. – Но я фишку рублю. И масло в чайнике не совсем перегорело. Вы сказали «знал»? Верно? Значит, он кони

двинул. Верняк?… Хотя нет… Стойте-стойте! Если бы у Михалыча был передоз, вы бы им хрен интересовались. Выходит, его мочканули? В цвет, Лев Иванович?

– В цвет, – машинально ответил Гуров, но тут же поспешил поправиться: – Да, его убили, Карт. Вчера вечером. Во время заезда. Пуля в голову…

– Пуля? Ни хрена себе! И кто вальнул?

– Именно это мы и пытаемся выяснить. Так ты его знал, получается? Я не ошибся?

– Конечно, знал. – Карт тряхнул головой. – Мы и на гонках с ним встречались, и… как бы это сказать… кормились вместе.

– То есть брали наркотики из одних и тех же рук? – уточнил Крячко, подключаясь к беседе.

Карт медленно перевел на него взгляд, еще раз затянулся и вновь повернул голову в сторону Гурова.

– А это кто? По моей теме?

– Я таким дерьмом, как ты, не занимаюсь, – бросил Крячко, прежде чем Карту успел ответить Гуров. – Лучше отвечай на вопрос.

Парень заколебался, на лице у него появилось хмурое выражение, и Гуров поспешил исправить положение.

– Это мой напарник. – Он недовольно покосился на Крячко. – Он немного грубоват, но это только сегодня. Неприятности со стоматологами. Можешь ответить на его вопрос, Карт.

Тот хмыкнул, но уже через секунду произнес:

– Да, мы с Михалычем брали товар в одном месте. Это все, что вы хотели знать?

– Вообще-то нет. – Гуров незаметно подал знак Крячко, чтобы тот пока помалкивал. К каждому человеку он искал сугубо индивидуальный подход, и, по его твердому убеждению, Карт был не из той категории людей, на которых нужно было давить. Здесь требовалось действовать иначе. – Расскажи нам о Михайловском.

Карт запустил пятерню в свою густую шевелюру и взъерошил ее еще сильнее.

– Ну, а чего рассказывать?… Мы с ним особо не корешились. Пижоном он был – это факт. Звездил раньше, как-никак. Потом его из профессионалов турнули, а гонор остался… Гонялся классно. Тут не поспоришь. Я, правда, пару раз его делал… Но вас ведь не это интересует, да? А что тогда?

– Нам нужно выяснить, кто и почему его убил, – медленно, с расстановкой произнес Гуров. – Враги у него были?

– Враги? – Карт затянулся сигаретой три раза подряд, закашлялся и без стеснения сплюнул себе под ноги прямо на пол. Загасил окурок в переполненной до краев пепельнице. – Смотря кого вы называете врагами. На войне Михалыч не был. Это я ручаюсь. – Он опять захихикал, но затем взял себя в руки. – А вот тех, кто его не переваривал по жизни, – так это до хрена было. Михалыч денег задолжал, кстати, очень многим. Не по средствам жил. Сечете, Лев Иванович? Я же говорю, сам давно уже говно говном, а амбиции!.. Ну, и запросы соответственно. Вот и залез в долги, как… Ладно! Он, наверное, еще надеялся на что-то. Или совсем глюковал по жизни. Он даже… – Карт неожиданно осекся на полуслове и невольно прикрыл рот рукой. Затем осторожно отодвинул ладонь в сторону и, испытующе глядя на Гурова, шепотом продолжил: – Я, кажется, просек поляну… Да! Точно! Есть верняковая наводка, Лев Иванович. Сколько отмаксаете?

– Смотря сколько твоя наводка стоит, – нарочито безразличным тоном заявил полковник. – За какую-нибудь лажу я ничего платить не буду.

– Вы что, не слышали? – Карт презрительно скривил губы. – Я же говорю, наводка – верняк!

– Точно?

Минуту или даже чуть больше Карт смотрел в глаза сыщику, прикидывая, как ему поступить и что сказать дальше. Гуров не торопил его. Он ждал. В душе Карта боролись противоречивые чувства, но в итоге желание подзаработать хотя бы на одну лишнюю дозу одержало верх.

– Ладно, черт с вами, – выпалил он. – Я скажу вам, а вы уж сами решайте, стоит такая информация денег или нет. Я вам доверяю, Лев Иванович. Вы – честный человек.

– Приятно слышать, – усмехнулся Гуров.

– Михалыч был должен денег Кулону. Много денег. Мне таких на грибах и за два года не заработать. Да что там за два? Я думаю, и за пять лет не заработать… Чертовы грибы!..

– Кто такой Кулон? – вновь не удержался Крячко.

Однако на этот раз Карт не стал его игнорировать. Привык. Повернулся к Станиславу лицом и пояснил:

– Кулон – фигура! Крупный наркодилер. Вся наркота в центре Москвы идет через него. За ним, наверное, еще кто-то есть, я думаю, но для нас Кулон – фигура! Нет товара у Кулона – мы все в дерьме, есть товар у Кулона – в шоколаде. Он делает погоду, короче. Недавно, я слышал, появился еще один тип. Кореец, кажется… Хочет потеснить Кулона, но к Михалычу это не имеет никакого отношения. Он задолжал Кулону. – Повествование Карта вернулось в нужное русло. – Ни я, ни Михалыч, правда, никогда не имели дело лично с Кулоном. Мы брали товар через Шаланду. Это наш поставщик… Но Михалыч как-то смог договориться, чтобы Кулон скинул ему через Шаланду товар в долг. До хрена товара… До сих пор не пойму, как Кулон купился на туфту Михалыча… – Слова сыпались из Карта, как горох из худого мешка. Глаза его окончательно остекленели, движения стали вялыми и сонными, а вот язык будто жил какой-то своей отдельной жизнью. – Ну, в итоге они стукнули по рукам, а Михалыч… Михалыч обосрался. Ничего он, естественно, не отдал. Да и не смог бы. Ему таких бабосов взять неоткуда. Хоть ежедневно гонки выигрывай. Кулон, как я слышал, послал к нему человечка. Раз послал, два… Мордальник били. А толку-то? Бабок у Михалыча как нет, так и не будет… Так вот я и думаю. – Карт с трудом перевел дух. Монолог дался ему с огромным трудом. – Кулону вся эта херь обрыдла, и он решил замочить Михалыча. Реальная тема?

Гуров с Крячко быстро переглянулись. Версия бесспорно заслуживала внимательного рассмотрения, но на данном этапе не более чем рабочая. Полагаться на слова Карта было никак нельзя. Нужно было все детально проверить.

– А как нам найти Кулона?

– Не знаю.

– Фамилия у него хотя бы есть?

Карт пожал плечами.

– Наверное, есть. Но мне она неизвестна. Как насчет денег, Лев Иванович? Информация останется без оплаты?

В комнате повисла тишина. Гуров слегка прищурился, и по опыту Крячко знал, что в эту секунду в голове у напарника родился какой-то план. Сыщик запустил руку в карман и выудил из него портмоне. Достал деньги и протянул Карту. На лице последнего обозначилась обиженная гримаса.

– Ну, спасибо, Лев Иванович. Я был о вас лучшего мнения. Тут даже на дозу не хватает.

– А это еще и не все. – Гуров похлопал портмоне по свободной ладони. – Я готов дать тебе денег на три дозы, если ты окажешь нам с напарником одну маленькую услугу…

– Какую услугу? – живо вскинулся Карт.

– Как, ты говоришь, зовут твоего продавца? Шаланда?

Карт кивнул.

– Позвони ему, – попросил Гуров.

Теперь на лице у парня появилось крайне озадаченное выражение.

– Зачем?

Гуров поборол в себе чувство брезгливости и сел на второй табурет, стоящий напротив Карта. Положил руку на плечо информатора.

– Нам надо найти этого Кулона, о котором ты говорил. А как это сделать, Карт? – Голос полковника звучал мягко и доверительно. – У меня родилась одна интересная идея на этот счет. Ты позвонишь Шаланде и скажешь, что два твоих старых знакомых ищут канал сбыта для крупной партии героина. Откуда ты родом, Карт?

– Я из Подмосковья…

– Отлично. Вот и скажи, что мы тоже из Подмосковья, в столице никого не знаем, товар попал к нам случайно, и мы хотим его сбагрить. По дешевке.

– Ну, а дальше? Товара-то у вас все равно нет… Шаланда мне голову открутит.

– Не открутит, – подключился Крячко, тоже приближаясь к столу и склоняясь над Картом. – Мы эту проблему решим. Никто тебя не тронет.

– А деньги твои, Карт.

Гуров извлек из портмоне сразу несколько купюр и веером разложил их на столе перед бывшим уличным гонщиком. Глаза последнего алчно заблестели. Колебания его были недолгими. Не последнюю роль в этом сыграло и действие наркотика, под которым Карт находился.

– Хорошо, – решительно произнес он и хлопнул рукой по столешнице. – Вы мне нравитесь, ребята. Только телефона у меня нет. Дадите свой?

Гуров живо протянул ему свой мобильник. Карт облизал губы, взял аппарат и быстро набрал на нем нужную комбинацию цифр, прочно засевшую в памяти. Однако уже через секунду взгляд его разочарованно потух. Парень передал телефон обратно Гурову.

– Недоступен. Позвоним позже?

Полковник замешкался лишь на секунду, а затем сказал:

– Может, и позвоним. А как ты сам связываешься с Шаландой в экстренных случаях? Когда тебе срочно нужен товар, а он вот так же недоступен? Такое ведь бывает?

– Конечно, бывает. – Карт покачнулся на табурете, а затем всем корпусом навалился на стол. – Шаланда частенько ошивается в «Лагуне». Есть такое козырное местечко на Сухаревской. Небольшой полуподвальчик напротив супермаркета «Все для всех». Я еду туда, спрашиваю Шаланду, и если вдруг его не оказывается там самого, то наверняка есть кто-то из его корешей. Я могу брать товар и у них, а Шаланда потом забирает деньги…

– «Лагуна», говоришь? – Гуров поднялся на ноги. Деньги, которые он предлагал до этого Карту за звонок, остались на столе. Но зажигалку полковник забрал. – Это даже лучше. Мы попробуем съездить туда сами…

Карт поднял голову.

– Только поосторожнее, Лев Иванович, – предупредил он. – Незнакомые морды там не очень жалуют… То есть, простите, я хотел сказать, лица.

– Не волнуйся. – Полковник улыбнулся. – Мы и сами не робкого десятка.

– Тогда удачи!

Карт лихо смел со стола купюры грязными узловатыми пальцами и, скомкав их, отправил в карман спортивных штанов. Гуров коротко кивнул Крячко, и оба сыщика двинулись к выходу из квартиры. Карт даже не поднялся с табурета, чтобы их проводить. Он уже получил все, что хотел.

– Поздновато, – констатировал Крячко, бросив взгляд на наручные часы, когда они с Гуровым оказались на лестничной площадке. – Наведаемся в «Лагуну» завтра?

– Не вижу причин откладывать это мероприятие, – не согласился Гуров.

– А к чему такая спешка?

– Куй железо, пока горячо. Ты ведь знаешь такую поговорку?

Они спустились на лифте вниз, вышли из подъезда и направились к оставленному у шлагбаума «Пежо». На ходу Гуров достал сигареты и закурил. Солнце уже катилось за горизонт, лаская крыши домов багровыми лучами.

– Не вижу никакого железа, – буркнул Крячко.

– Стас, ты меня достал. – Гуров остановился рядом с водительской дверцей и негодующе посмотрел на напарника. – Если у тебя болит зуб, не мучай себя и выпей таблетку. А еще лучше отправляйся домой, в самом деле. Я подброшу тебя до метро…

– А как же «Лагуна»?

– Справлюсь без тебя.

Крячко презрительно фыркнул, обошел «Пежо» и требовательно подергал ручку противоположной дверцы.

– Ну, конечно! Справится он! Да тебя ни на минуту нельзя оставлять без присмотра. Вляпаешься во что-нибудь… Поехали уже. Посмотрим, что это за заведение такое, где собираются мелкие торговцы наркотой.

Гуров только покачал головой и уселся за руль своего автомобиля. Стас разместился рядом. Достав из нагрудного кармана рубашки пластинку «Пенталгина-Н», он высвободил одну таблетку и целиком засунул себе в рот. Прижал языком к ноющему зубу. Прикрыл глаза.

– Как, оказывается, все просто, да? – бросил Гуров, разворачивая «Пежо» по центру дворика.

Меньше двадцати минут сыщикам потребовалось на то, чтобы добраться до Сухаревской. Супермаркет «Все для всех», призывно подмигивающий прохожим неоновой рекламой, можно было заметить издалека. Обнаружилась напротив и темно-синяя вывеска «Лагуна», но стоянки поблизости не было. Гурову пришлось проехать вперед еще метров двести, прежде чем обнаружилось приличное местечко, где можно было на время оставить «Пежо». Выйдя из машины, сыщики вернулись в «Лагуну» пешком.

У входа к этому моменту уже стоял какой-то тип непрезентабельной внешности в распахнутой до пупа рубашке. Он смолил сигарету, и от него за версту разило винными испарениями. Крячко, идущий чуть впереди напарника, попытался обогнуть мужчину, но тот сделал шаг в сторону и загородил дорогу своим телом.

– Эй! Куда это вы направляетесь, парни? – Его ладонь легла на грудь Станислава. – Тут вход только для своих, а вас я вижу впервые в жизни.

– Мы – свои, – ответил Крячко.

Зубная боль отступила, и к этому моменту настрой у него был более чем решительный. Опустив руку поверх руки остановившего его мужчины, Стас с силой стиснул его кисть и слегка взял ее на излом. Рот мужчины распахнулся, и сигарета, сорвавшись с нижней губы, упала под ноги. Он попытался высвободить руку из захвата, но ничего не получилось.

– Еще вопросы? – Крячко открыто смотрел ему в лицо.

– Нет.

Похоже, этот тип безоговорочно признавал позицию силы. Крячко отпустил его, отстранил и зашел внутрь заведения. Гуров последовал за ним.

Обстановка в «Лагуне» чем-то напоминала таверну на Диком Западе. Скучающий бармен за стойкой, низкие деревянные столы, густой смог под потолком, сидящие по разным углам хмурые мужики компаниями по двое-трое. Все они одновременно повернули головы на вошедших Гурова и Крячко. В общей сложности «Лагуна» насчитывала дюжину посетителей.

Гуров решительным быстрым шагом направился к барной стойке. Взбираться на высокий кожаный табурет он, правда, не стал, но почти вплотную приблизил свое лицо к лицу облокотившегося на стойку бармена, внешней отличительной чертой которого были две острые залысины на лбу.

– Салют! – Роль наглого, но в то же время простоватого провинциала полковнику всегда удавалась особенно удачно. – Мы с приятелем ищем тут кое-кого. Не подсобишь?

Бармен вяло перекатил изжеванную спичку из одного уголка рта в другой и ничего не ответил. Бросив короткий взгляд за спину Гурова, он оценил оставшегося стоять у порога Крячко. Из-за крайнего столика поднялись двое. Их красные пьяные рожи не предвещали ничего хорошего. Гуров уже понял, какого рода дискуссия ожидает их со Стасом в ближайшем будущем.

– Нам нужен Шаланда. – Сыщик развернулся таким образом, чтобы иметь возможность держать в поле зрения и бармена, и тех двух ребят, что грозно поднялись из-за столиков. – Только я не в курсе, как он выглядит. Но дело срочное, и мы…

– Ты – легавый, что ли? – соизволил-таки разомкнуть губы бармен.

– Почему это? – Гуров нахмурился, и от его былой простоватости не осталось и следа.

Но вместо бармена ему ответил один из посетителей «Лагуны», подошедший к полковнику почти вплотную. Среднего роста мужик с трехдневной щетиной на лице. Контуры глубоко посаженных глаз с трудом угадывались в тени мощных надбровных дуг. Второй мужчина держался немного в стороне, но тоже при этом не спускал с Гурова глаз.

– Как у тебя может быть дело к Шаланде, если ты даже не знаешь, как он выглядит? – с вызовом произнес первый. – Горбатого лепишь.

Гуров полностью развернулся к нему лицом.

– Ты – Шаланда?

– Нет, не я, – последовал ответ. – Но я тот, кто советует тебе как можно скорее уносить отсюда ноги. Сделаешь это быстро и незаметно – останешься в живых. А если нет, то в лучшем случае я могу гарантировать тебе медицинскую койку. На ближайшие пару месяцев.

– Знаешь что, медик. – Гуров выпрямился во весь рост и расправил плечи, готовый к неминуемой схватке. – У меня, честно признаюсь, нет блата в местной клинике, но и переть на меня танком всякому быдлу я тоже не позволю. Врубаешься?

– Че ты сказал, козел? – Лицо визави побагровело, а его громогласный бас эхом разнесся по всему помещению.

Из– за дальнего столика, расположенного почти у самого входа, поднялись еще двое. Эта парочка была чуть моложе, чем та, с которой пришлось вступить в полемику Гурову, но в руках одного из них блеснуло стальное лезвие выкидного ножа. Второй сунул руку в карман, и можно было смело предположить, что у него в наличии тоже имеется холодное оружие. Казалось, будто сам воздух стал вязким от витавшего в нем напряжения. И тут дверь в «Лагуну» за спиной Крячко распахнулась, и в помещение ворвался тот растрепанный тип, которого сыщики встретили у входа.

– Мочи их, засранцев! – выдал он боевой клич аборигенов.

Но ничего добавить к этому и уж тем более перейти от слов к действию он не успел. Резко выброшенный назад локоть Крячко врезался ему в живот. Воздух со свистом вырвался изо рта мужчины, а уже в следующую секунду, все так же не оборачиваясь, Станислав врезал ему кулаком по лицу. Из разбитого носа хлынула кровь, глаза аборигена закатились, и он, как подкошенный дуб, рухнул на дощатый порог. Парень с ножом кинулся на Крячко, но полковник с легкостью отвел его руку в сторону и встретил прямым ударом в челюсть. Противник оказался на полу, но следующий уже был на подходе. В отличие от предыдущего, у него, как выяснилось, скрывался в кармане не нож, а кастет, в который он достаточно быстро просунул пальцы.

Стоящий напротив Гурова мужчина на секунду замешкался, и это стало для него роковым. Гуров действовал не менее стремительно, чем его напарник. Не дожидаясь нападения, он атаковал первым. Подался вперед и с силой врезался лбом в переносицу неприятеля. Хрустнула кость, мужчина схватился за нос и отступил. Его товарищ прыгнул вперед и

выбросил руку, целясь полковнику в лицо. Гуров выставил блок, нырнул вниз и поддел оппонента апперкотом снизу. Зубы клацнули друг о друга, мужчину слегка подбросило вверх, а затем он хлопнулся на пол у ног своего держащегося за разбитый нос приятеля.

Кастет просвистел над головой Крячко. Короткий тычок в грудь деморализовал парня. Станислав дважды ударил его. Ногой в паховую область и кулаком в ухо. Его товарищ с ножом предпринял попытку подняться, но Крячко, держа в поле зрения всю картину происходящего, шагнул вперед и погрузил носок ботинка парнишке под ребра. Тот опрокинулся на спину.

Бармен тем временем отступил назад к находящейся у него за спиной галерее бутылок и неизвестно откуда выхватил двуствольное ружье. Выплюнул изо рта изжеванную спичку. Гуров, быстро расправившись со своими противниками, ловко перемахнул через стойку и перехватил двустволку за дуло. Приподнял вверх, потянул на себя, а затем ударил бармена прикладом по лицу. Последний обрушился спиной на нижнюю полку с уже распечатанными бутылками, опрокинул их, и напитки разных цветов угодили ему на брюки. Двустволка осталась в руках Гурова. Он развернулся вместе с ней – и, как оказалось, вовремя. Еще один тип с обритой под ноль головой поднялся из-за столика, выхватил из кармана пистолет и навел его на полковника.

– Оружие на пол! – приказал ему Гуров.

Зашевелились и остальные завсегдатаи «Лагуны», которые до этого только с интересом наблюдали за развитием событий, но и в руках стоящего у входа Крячко тоже появился пистолет.

– А ну, сидеть, уроды! – гаркнул он, и его крик, как это ни странно, оказал куда более эффективное действие, нежели вид огнестрельного оружия.

Никто не стал понапрасну искушать судьбу. Пистолет был только в руках того типа, что уже стоял возле столика и целился в Гурова.

– Брось оружие! – повторил полковник, пристально наблюдая не столько за мимикой мужчины, сколько за его пальцем, лежащим на спусковом крючке.

– Да пошел ты! – ответил он.

– Стреляю, – спокойно, но жестко предупредил Гуров. – На что ты рассчитываешь, приятель?

Помимо двустволки, на лысого был нацелен с противоположной стороны еще и пистолет Крячко, но лысый, похоже, не обращал на это никакого внимания. Все остальные посетители «Лагуны», даже те, кто был уже ранее нокаутирован сыщиками, замерли в ожидании. Все, кроме одного. Гуров краем глаза заметил его только сейчас. Крепкий ширококостный мужчина лет тридцати пяти с крючковатым носом и пухлыми губами. Он сидел за тем же столиком, что и лысый с пистолетом, но в отличие от всех остальных на лице у него не отражалось никаких эмоций. Поглядывая то на Гурова, то на Крячко и словно оценивая их по какой-то неведомой остальным шкале, мужчина с пухлыми губами сосредоточенно смаковал длинную, коричневого цвета сигарету. К тому моменту, когда между Гуровым и его лысым приятелем напряжение достигло апогея, мужчина погасил окурок в пепельнице, неторопливо поднялся на ноги и положил руку на плечо лысому.

– Опусти оружие, – негромко произнес он, но в повисшей тишине его слова расслышал каждый из присутствующих в «Лагуне».

Лысый недовольно повернул голову в его сторону, и на лице у него промелькнуло неподдельное изумление.

– Опусти-опусти, Лещ, – все так же спокойно посоветовал крепкий мужчина. – Я хочу немного потолковать с этими ковбоями, мать их.

Лещ подчинился. Он не спрятал пистолет обратно в карман, но опустил его дулом вниз. Гуров тоже отвел двустволку в сторону, кивнул Крячко. Стас опустил оружие.

Крепкий мужчина вразвалочку подошел к Гурову и протянул раскрытую ладонь через барную стойку. На скулящего рядом парня с разбитым носом он не обратил ни малейшего внимания. Крячко под взглядами остальных завсегдатаев «Лагуны», которые пока не спешили проявлять новых признаков агрессии, тоже прошел вперед и оказался у стойки.

– Таран, – представился крепкий мужчина, поочередно пожав руки Гурову и Крячко. – Кто вы такие, ребята?

– Мое погоняло Рашпиль, – представился Гуров.

– Черкес, – в унисон ему откликнулся Крячко.

– Ну и? – Холодный неподвижный взгляд Тарана напоминал взгляд мертвеца. – Зачем вам нужен Шаланда?

Гуров ухмыльнулся.

– Ну, вообще-то нам нужен не он, – в той же простоватой и развязной манере, в какой он начал общение с барменом несколько минут назад, поведал полковник. – Мы ищем выход на Кулона, и один наш землячок, прикормленный Шаландой, посоветовал поискать этот выход здесь. Через Шаланду…

В глазах Тарана всего лишь на долю секунды вспыхнуло нечто напоминающее простой человеческий интерес и тут же погасло. Лицо его вновь сделалось непроницаемым.

– А зачем вам Кулон? – спросил он.

Гуров бросил взгляд за спину Тарана и мазнул им по всем присутствующим в «Лагуне».

– Не хотелось бы базарить об этом с кем попало, – сказал сыщик. – Тема щекотливая. Ты реально можешь чем-то помочь?

– Ну, а если могу, то что?

– Тогда, может, перекинемся с глазу на глаз? – предложил Гуров.

Таран размышлял не больше секунды.

– Хорошо, – произнес он. – Пошли.

И, развернувшись, первым направился к выходу из «Лагуны». Гуров, бросив двустволку на барную стойку, перепрыгнул через нее и направился следом. Крячко замкнул шествие, все еще пристально наблюдая за Лещом, но сейчас, когда новички временно находились под опекой Тарана, их, похоже, никто не собирался ни на что провоцировать. Стас опустил пистолет в карман и за Гуровым и Тараном вышел на улицу.

– В некоторой степени я работаю на Кулона, – признался Таран, приваливаясь спиной к стене и глядя не на собеседников, а на огни супермаркета напротив. – Поэтому если то, что вы собираетесь сказать ему, заинтересует меня…

– Ты имеешь влияние на Кулона? – В глазах у Крячко мелькнуло недоверие.

Таран напрягся, но тут же взял себя в руки.

– Скажем так: лично я не имею, но я знаю близкого Кулону человека, который такое влияние может иметь. В чем ваша мутка, ребята? Учтите, я начинаю терять к вам интерес.

Гуров сделал вид, что крайне обеспокоился последним предупреждением Тарана, и поспешно заговорил, оглядываясь по сторонам и понижая голос до шепота:

– У нас есть товар. Хороший, качественный товар. И в приличном объеме. Не стану распространяться, как он к нам попал, скажу только, что нам хотелось бы как можно быстрее от него избавиться. По разумной цене, разумеется. У нас на хвосте повисли одни ублюдки…

– У которых вы и скоммуниздили товар? Да? – На губах у Тарана появилась улыбка, и уже по ней Гуров понял, что его байка прошла успешно.

– Это имеет отношение к делу? – нахмурился Крячко, профессионально подыгрывая напарнику.

– А если эти ублюдки повиснут на хвосте у нас?

– Для Кулона это проблема? Я думал… – Крячко многозначительно помолчал.

– Сколько у вас товара? – спросил Таран.

– Мы не взвешивали, – небрежно ответил Гуров. – Но, думаю, килограммов семь набежит…

– Семь кило «герыча»? – Таран утратил былое спокойствие, и глаза его буквально полезли из орбит. – Нехилая партия, ребята! Кого же вы так круто кинули?… Ладно, не о том речь. И сколько вы хотите за свои семь кило?

– Мы готовы отдать все за трешку. – Гуров рубанул рукой воздух. – И к чертовой матери все это дерьмо.

Таран промолчал. Комментарии к услышанному были излишни. Даже не сильно разбиравшийся в специфике торговли наркотиками человек мог бы понять, насколько выгодная подворачивалась сделка и какой нехилый навар можно было на этом поиметь. Мгновенно просчитал все это и Таран.

– Секунду. – Он отлепился от стены и отошел в сторону.

Гуров и Крячко видели, как он отстегнул с пояса мобильник, набрал чей-то номер, а уже через пару секунд приступил к разговору с невидимым абонентом. Телефонная дискуссия Тарана длилась минут десять, затем он прицепил мобильник обратно на пояс и вернулся к ожидавшим его сыщикам.

– Сегодня ничего не получится, – сказал он. – Человек занят, но он готов встретиться с вами завтра. Прямо с утра. Здесь же.

– Это Кулон? – спросил Гуров.

– Нет, это человек, о котором я говорил. Можно сказать, он правая рука Кулона. Решать вопросы с ним – все равно что решать их с Кулоном. Товар у вас где?

Гуров невразумительно хмыкнул и презрительным взглядом смерил Тарана с головы до ног. Всем своим видом он стремился показать, что они с напарником не лохи и считать их таковыми не стоит.

– Сначала надо все обговорить, – сказал он. – Утрясем все детали, а потом уже будет товар. Чтобы никакого кидалова.

– Резонно. – Таран качнул головой. – Тогда на этом все, пацаны. На сегодня расход, а завтра подгребайте сюда часикам к десяти утра. Внутрь не заходите. Я и Скулатый будем ждать вас в машине. Черный «Фольксваген».

С этими словами он развернулся и вновь скрылся за дверью «Лагуны». Сыщики переглянулись и направились прочь к оставленному в двухстах метрах дальше по дороге «Пежо».

* * *

В десять часов следующего дня сыщики вновь были у «Лагуны». Как и сказал Таран, черный «Фольксваген» уже стоял в ожидании, дерзко разместившись в пешеходной зоне. Тонированные стекла не позволяли разглядеть тех, кто находился в салоне, но сыщики решительно направились к автомобилю. Передняя пассажирская дверца открылась, и Таран ступил на асфальт.

– Здорово, дельцы! – с легкой усмешкой приветствовал он подошедших. – А вы – пунктуальны. Хорошее деловое качество.

– По делу есть что сказать? – угрюмо отреагировал на его реплику Крячко.

Он только пять минут назад засунул в зуб очередное обезболивающее лекарство, и его действие еще не достигло желаемого результата.

– Конечно, есть. Один вперед, другой со мной назад, – распорядился Таран и распахнул заднюю дверцу.

Крячко выбрал для себя заднее сиденье. Протиснулся в салон и расположился у окошка, держась ладонью за щеку. Таран сел рядом с ним, а Гуров занял место спереди.

– Приветствую вас, коллеги, – иронично бросил сидящий за рулем атлетического телосложения мужчина.

На нем была просторная кремовая рубашка и легкие хлопчатобумажные брюки. Взгляд сосредоточенный, мрачный, губы плотно поджаты. На виске, там, где заканчивались небольшие светлые бакенбарды, едва заметный шрам.

– Это Скулатый, – представил его Таран с заднего сиденья. – Человек, о котором я говорил вам вчера. Он готов рассмотреть ваше предложение.

– А чего тут рассматривать? – Гуров вставил в рот сигарету и закурил. – Наши условия вам известны?

– Да. Таран изложил. – Скулатый помолчал немного, пристально глядя на Гурова, затем бросил взгляд в зеркало заднего вида на Крячко и продолжил: – Но у меня есть к вам встречное предложение. Как насчет пары «лимонов» за всю партию?…

– Не годится, – резко отсек Крячко.

– Может, вы сначала дослушаете? – насупился Скулатый.

– И нечего тут слушать…

– Подожди, Черкес. – Гуров предупредительно вскинул вверх руку, и Крячко замолчал. – Пара лимонов? А что еще?

Скулатый поиграл желваками, желая показать, что реакция Крячко оскорбила его до глубины души и стала причиной крайне негативного настроения. В салоне «Фольксвагена» повисла непродолжительная пауза. Гуров курил, небрежно стряхивая пепел за окошко.

– Насколько я понял, вы кого-то кинули, парни? – произнес наконец Скулатый. – Так? Я не хочу знать, кого. Это ваши личные дела, ваши личные разборки… Но я хотел поинтересоваться, какие у вас планы на ближайшее будущее. Куда вы планируете податься после того, как сплавите нам товар?

– Мы еще об этом не думали. – Гуров пожал плечами. – Наверное, рванем куда-нибудь за кордон. Бабки-то будут, а с ними совсем иные перспективы открываются…

– Не скажи, – не согласился с таким подходом к ситуации Скулатый. Складывалось впечатление, что его мрачное лицо никогда не знало улыбки. – Бабки – это еще не все, баклан. И если люди, которых вы взгрели, – серьезные, а учитывая семь кило героина, я склонен думать, что они серьезные, им не составит особого труда достать вас даже за кордоном. В любой стране. А через вас они выйдут на меня и на Кулона. И кинут нам предъяву. Не хотелось бы такого расклада. – Скулатый выдержал паузу. – Поэтому проще всего и эффективнее было бы вас замочить, забрать товар, и все концы в воду.

Гуров моментально напрягся, Крячко машинально потянулся к карману, но Таран уверенно накрыл своей рукой его руку. Скулатый покачал головой.

– Я сказал, что так было бы проще, – пояснил он. – Но как-то не по-человечески. А потому мы не станем этого делать. Есть другой путь. Он сложнее, но он такой же надежный.

– Что это за путь?

– Вместо того чтобы убивать вас, можно держать вас под присмотром. Я забираю у вас героин, даю за него два «лимона» и предлагаю место в своей бригаде в качестве боевиков. Работенка непыльная, по «лимону» на рыло у вас будет… Так что с голоду не помрете. А нам спокойнее. И все довольны. Меньше риска.

– А что будет, когда на нас все-таки выйдут те ребята? – ввернул Крячко.

Скулатый вновь встретился с ним взглядом через зеркало заднего вида.

– У вас будут новые документы, и вы будете находиться под моей непосредственной защитой. Никто ничего вам не сделает. Но есть и еще один момент. – Теперь уже Скулатый переглянулся с Тараном. – Рано или поздно вам придется познакомиться с Кулоном. Я хочу, чтобы вы ни словом не обмолвились при нем о товаре. Нет никакого товара. Вы – просто боевики, которых я нанял. Ясно?

– Проще пареной репы, – усмехнулся Гуров.

– Вот и отлично. И имейте в виду, задумаете играть в собственные игры, я порву вас раньше, чем те, кто сейчас охотится за вами. И то, что вы крутые ковбои, как мне рассказал Таран, вам не поможет. Я тоже могу быть крутым.

– Это еще спорный вопрос, – набычился Крячко.

– Черкес! – вновь осадил его Гуров.

– Ладно, замяли… В конце концов, решать тебе.

Некоторое время в салоне «Фольксвагена» висела напряженная тишина. Гуров словно обдумывал свое решение. Позади него щелкнула зажигалка. Таран закурил.

– Ну? – не выдержал Скулатый.

– По рукам, – выдал полковник. – Только вытащить товар из норы раньше чем через неделю у нас не получится. Ну, пять дней – это минимум. Иначе все накроется медным тазом.

– Я не тороплюсь.

Скулатый протянул раскрытую ладонь, и мужчины скрепили сделку рукопожатием. Зубная боль Крячко к этому моменту утихомирилась. Он едва заметно улыбнулся одними уголками губ. Сидящий рядом Таран не мог этого заметить.

Глава 5

Две машины «БМВ» остановились в районе станции метро «Таганская», недалеко от пешеходного перехода. Из второго автомобиля, более потрепанного, заезженного седана темно-синего цвета, вышел мужчина средних лет и направился к машине, припаркованной впереди. Новая эмаль автомобиля отливала перламутровым, изумрудного оттенка блеском, черные затонированные стекла даже на просвет яркого солнечного луча были абсолютно непроницаемы. Мужчина, несмотря на жару, был облачен в темный в полоску костюм. Мятый пиджак был свободно наброшен на плечи, прикрывая расстегнутую до четвертой сверху пуговицы рубашку. Распахнутый ворот рубашки обнажил волосатую грудь, на которой на золотой цепи болтался массивный кулон, изящно отлитый также из золота. Барельефное изображение из перекрещенных шпаги, пистолета и выступающего из-за них горлышка бутылки скорее всего означало, что его владелец – любитель разгульной жизни. Подобный символ настолько не вязался с образом его владельца, во всем предпочитающего пунктуальность и надежный расчет, что кличка «Кулон» прицепилась в свое время к обладателю золотой безделушки не без доли иронии.

Приблизившись к автомобилю, Кулон машинальным жестом пригладил волосы и, плавно отворив дверцу, склонился всем корпусом, заглядывая в салон. Кивнув в темноту автомобиля, он скрылся внутри, закрыв за собой дверцу.

Валерьян Павлович Синякин, известный в кругах криминального бизнеса наркобарон, был человеком чрезвычайно грузным и толстым. Он сидел на водительском кресле изумрудного «БМВ», своего последнего на прошедшей неделе крупного приобретения, и, отодвинув до предела назад кресло, вытянул ноги так, что корпус его находился почти в горизонтальном положении. Лицо его с правой стороны пересекал заметный шрам, полученный задолго до того, как его криминальный авторитет приобрел широкую известность. Теперь же этот шрам гораздо меньше гармонировал с внешностью Синякина, полюбившего со временем менее рискованный и размеренный образ жизни.

Валерьян Синякин полулежал на кресле, положив обе руки на огромный возвышающийся живот, а толстыми пальцами правой руки он сжимал сигару, источающую клубы ароматного сизого дыма.

Такая картина и предстала глазам Кулона, одного из наиболее преуспевающих дилеров Синякина, курирующего Центральный и частично Северо-Западный районы города.

– Хороша тачка, – поприветствовал Кулон своего патрона, подсаживаясь в сверкающий новизной автомобиль.

Синякин, не меняя позы, сделал смачную затяжку и, не поворачивая головы в сторону опустившегося на соседнее кресло Кулона, едва заметно кивнул головой.

– Хороша, – шумно выдыхая дым, процедил он.

Клубящиеся потоки заполнили собой пространство перед лобовым стеклом и через несколько секунд рассеялись, поглощаемые работающей с мерным, едва уловимым гулом вытяжкой.

– Будешь хорошо работать, и ты на такую накопишь, – произнес Синякин, зажав сигару губами.

Приподняв левой рукой пульт управления, он набрал на нем комбинацию, нажимая на миниатюрные кнопочки тупым концом шариковой ручки.

– К пенсии, – добавил он, закончив манипуляции с пультом и отложив его в сторону.

Тихий гул, доносящийся из-под приборной доски, прекратился, и дым от сигары стал подниматься прямо вверх, рассеиваясь под потолком и распределяясь по всему салону равномерно.

– Не моя вина, Валерьян, – мягко проговорил Кулон, незаметно поворачивая голову то в одну, то в другую сторону, чтобы едкий запах крепкой сигары по возможности меньше попадал ему в легкие. – Кореец, собака… – начал он, но удушающий кашель не дал договорить.

Кулон согнулся пополам и, откашливаясь, попытался вдохнуть воздух снизу, где он был немного чище, чем на уровне головы сидящего.

– Что? Крепкие? – больше констатируя факт, чем спрашивая, проговорил Синякин.

– Да, – послышался слабый голос Кулона, который еще не оправился от приступа кашля, сдавившего ему горло.

– Это хорошо. Я люблю все крепкое. Сигареты, машины, людей… Ха-ха. – Синякин говорил, не глядя на собеседника.

Его тихий голос не имел ни капли внешнего проявления властности. Эта манера, однако, предполагала, что его внимательнейшим образом слушают.

– Я докуриваю. Потерпи, брат.

Синякин сделал еще одну глубокую затяжку и, смакуя вдыхаемый воздух, замолчал на несколько секунд. Едкий дым, который продолжал источать окурок сигары, как будто специально тянуло в сторону Кулона. Тот изо всех сил старался вдыхать понемногу, маленькими глотками. Но на этот раз подвели глаза. Слезы полились градом. Кулон сделал вид, что зевает, и протер глаза так, как делает человек, который только что проснулся.

– Клиенты ждут. Товар нужен, Валерьян, – озабоченно произнес он и натянуто зевнул, потирая левый глаз.

Бросив косой взгляд на догорающий окурок сигары, последние миллиметры которого дымились между указательным и большим пальцами Синякина, Кулон с облегчением выдохнул и мелкими поверхностными вдохами набрал в легкие новый глоток воздуха.

– Кореец мои точки прибирает, – тихо произнес он.

Синякин оценивающе посмотрел на догорающий остаток сигары и, не затягиваясь, аккуратно опустил его в пепельницу, защелкнув крышку.

– Товар будет, – произнес он, тяжело дыша. – Не твоя забота.

Между собеседниками снова повисла долгая пауза.

Синякин вообще любил делать длинные паузы. Даже его молчаливое присутствие заставляло собеседников считаться с ним и спрашивать его мнение. Кулон, один из его пяти непосредственных дилеров, наиболее преуспевший за время своего непродолжительного сотрудничества с Синякиным, успел прекрасно изучить манеры последнего и с пониманием относился к его крутому нраву. Тот в ответ платил ему известным снисхождением.

– Без товара не могу, – осторожно прервал молчание Кулон, убедившись, что Синякин не собирается развивать тему. – У Корейца есть товар. Клиенту все равно. У меня не будет, он у Корейца возьмет… Какая хрен разница…

– Клиенту не все равно, – перебил его Синякин. – Ты товар наш знаешь?

– Конечно, я понимаю. Товар качественный. Да что там…

– Так вот, клиенту не все равно, – снова оборвал его Синякин и добавил после непродолжительной паузы: – Потяни время как-нибудь. Пообещай, что завтра товар будет. Непременно. А где завтра, там и послезавтра… Ты же знаешь. Надави, в конце концов. Держи марку, Кулон.

Кулон заерзал на сиденье, не решаясь задать интересующий его вопрос о конкретных сроках поставки следующей партии товара. Вступать с боссом в открытое противостояние не входило в его ближайшие планы. Он сделал над собой усилие и кивнул головой в знак полного согласия со словами наркобарона.

– Я стараюсь, Валерьян, – произнес он. – Вчера я просто набил одному морду. Другому оказал услугу… Еще один крупный заказ передал одному надежному человеку. Короче, перекрылся, как смог…

– Молодец, Кулон. За что тебя и ценю. – Синякин снова оборвал Кулона, давая понять, что продолжение разговора должно иметь несколько иное развитие. – Кто таков этот Кореец, кстати? Ты наводил справки? – поинтересовался он.

– Да, кое-что узнал. По большому-то счету Кореец – никто. Частник. Откуда взялся, никто толком не знает. Так, приехал из Средней Азии. Первую партию, говорят, привез в ящике из-под кураги на разбитом «жигуленке». Проверять никто не стал. Или уговорил он кого надо. Точно не знаю.

– Как ты себе это представляешь? Что значит, проверять не стали? – искренне удивился Синякин.

– Вообще он мог и договориться, – поправился Кулон. – Я подозреваю, что он давно занимался наркотой. Когда понял, что здесь, у нас, это в тысячу раз выгоднее, чем у себя на родине, скопил небольшой капитал и рванул в Москву.

Кулон перевел дух, вспоминая подробности его встречи с Корейцем.

– В общем, мелкая сошка. Начинал по мелочи. Потом разросся. Сам Кореец – довольно задиристый малый, Валерьян. Если его не остановить, не знаю, что будет…

Кулон посмотрел на Синякина. Тот уставился взглядом в одну точку. Его лицо не выражало никаких эмоций. О чем думал этот человек, понять было невозможно.

– Ты уверен, что Кореец действует один? – спросил Синякин, когда Кулон закончил рассказ.

– Меня это и пугает, Валерьян. Говорят, что теперь у него есть напарник, которого из моих людей, правда, пока никто не видел. Но похоже на правду. Один из моих клиентов сказал, что Кореец присылал к нему человека с товаром. Вроде это его дальний родственник какой-то. Он его здесь и поселил. И подсказал, как лучше сбыть первую партию. А сейчас он прочухал, где рыба водится. Я просто на глазах теряю рынок!

– Ты с ним самим встречался, говорил?

– Да. Парень не понял.

– Значит, плохо объяснил. – Синякин взглянул на Кулона так, что у того похолодела спина. – Забивай ему стрелку где-нибудь в укромном месте. Попробуй с ним еще раз столковаться. Может, он все поймет.

Синякин потянулся за серебряным портсигаром, который лежал на приборной доске, и открыл крышку. Кулон внимательно следил за рукой Валерьяна, но тот, вместо того чтобы прикурить сигару, стал просто поигрывать самим портсигаром. Кулон облегченно вздохнул.

– А не поймет, – продолжил Синякин, – тогда придется объяснить как-нибудь по-другому. У тебя люди есть?

– Есть. – Кулон задумался на несколько секунд, перебирая в памяти возможные варианты. – Бригадир, Ваня, Скулатый, Таран… Да, в общем, кадра имеется.

– Вот видишь, у тебя и люди есть. Надо было сразу с Корейцем говорить так, чтобы он понял, что к чему, – вразумительно разъяснил наркобарон.

– Прошу простить. Надо было. – Кулон виновато развел руками. – Скулатый – надежный человек. Не подводил пока, – произнес он, припоминая последний случай, который произошел два дня назад, когда Скулатый оперативно отреагировал на наезд одного из клиентов Кулона, недовольного сбоями в поставках товара.

– Если ты в нем уверен, его и возьми, – одобрил выбор Кулона Синякин.

– Валерьян, а что, если Кореец не послушает. Место-то он выбрал прикормленное, дела у него пошли в гору, почему бы и не…

Кулон хотел сказать что-то еще, но у Синякина уже созрело решение, а соответственно, дальнейшие прения были излишни.

– Можешь убрать его, Кулон. Если мирным путем не захочет, пусть не путается под ногами. Нам продержаться надо. Он как-то не вовремя нарисовался на горизонте. Кто у тебя еще есть из людей?

Кулон задумался и, как будто вспомнив что-то, воскликнул:

– На днях у Скулатого появились два парня. Фраера какие-то. Понтярщики.

– Они тебе нужны?

– Нет. Это Скулатый их приволок. Говорит, хорошие ребята. Могут пригодиться.

– Отлично. Вот пусть они втираются к нему в доверие, договариваются насчет партии. Как угодно возьми его товар. Заодно проверишь, что там. Если зелье нормальное, воспользуйся. Только не скромничай. Проси больше. Деньги не отдавайте. Сам прибежит. Дальше тебе известно.

– А что, если придется прибегнуть к крайней мере, куда я дену этих парней?

– Вместе с ними и убирай этого мелкача. Я думаю, Скулатый справится.

Синякин слегка повернув голову, метнул взгляд на собеседника.

– Кулон, ты же знаешь, зачем нам лишние уши. Тем более тебе самому сейчас не сладко. Ты Скулатому скажи, пусть не больно-то обольщается, пока перебои, пусть слегка амбиции свои поубавит.

Кулон промолчал, стараясь скрыть каскадом нарастающее последние дни беспокойство, а сейчас, во время разговора с шефом, достигшее максимальной точки. Синякин не раз упоминал, что с товаром какие-то проблемы, и явно о чем-то умалчивал. Это не могло не беспокоить наркодилера. На самом деле его не столько волновал Кореец, сколько сроки поставок, о которых шеф упорно молчал и, похоже, говорить не собирался. С товаром Кулон был уверен в себе и своих возможностях. Он мог бы в два счета справиться с Корейцем. И он уже знал как. У него имелись собственные соображения на этот счет. Но без товара, просто силой удерживать точки больше не представлялось возможным. Кулон использовал для этого все имеющиеся у него ресурсы.

– Так когда все-таки товар будет, Валерьян? – Вопрос сам слетел у него с губ.

Как это ни странно, Синякин не возмутился. Он спокойно посмотрел на Кулона и ответил:

– На той неделе будет.

По лицу Кулона помимо его воли пробежала недовольная ухмылка. Он тут же осекся и заставил себя улыбнулся, не будучи уверенным, что Синякин не заметил выражения его лица. Искоса посмотрел на шефа. Тот разглядывал микроскопическую царапину на кожаной обшивке рулевого колеса и поэтому не мог видеть мимики собеседника. Кулон облегченно вздохнул.

– Все, иди. Свободен.

Кулон выбрался из машины, и новенький «БМВ» Синякина укатил прочь. Кулон долго смотрел ему вслед, затем вынул из нагрудного кармана плоскую коробочку мобильного телефона и набрал на панели короткий номер Скулатого. Подельник откликнулся после первого же гудка, и в трубке раздалось его краткое сухое «да».

– Ты где? – так же коротко поинтересовался Кулон.

– У тебя за спиной, – последовал ответ.

Кулон обернулся. Старенький черный «Фольксваген» припарковался в конце улицы. Сидящий за рулем Скулатый моргнул ему фарами. Кулон выключил телефон, убрал его обратно в карман и махнул рукой. «Фольксваген» тронулся с места и подкатил почти вплотную к «БМВ». Скулатый неторопливо выбрался из салона. Желваки на его лице ходили ходуном, интенсивно перемалывая жевательную резинку.

– Ну, че сказал этот пень? – спросил он, отмечая взглядом продефилировавшую мимом них с Кулоном приятной наружности девушку в мини-юбке.

– Будь моя воля, я бы его кончил. – Кулон сплюнул на тротуар. – Я ему говорю, товара нет, а он заладил одно и то же: «Разрули, выкрутись». Как я ему разрулю? Сахаром торговать буду вместо героина? Совсем оборзел, баран!

– Так давай в натуре его вальнем, – предложил Скулатый. – В чем проблема? Помнишь, я говорил тебе о тех двух ребятах, которых я подобрал? Черкес и Рашпиль…

– Помню. – Кулон почувствовал, как в желудке у него заурчало, и только сейчас вспомнил, что с утра во рту маковой росинки не было. Закрутился. – Только мы же вроде договорились, что ты их кинешь на разборку с Корейцем.

– Одно другому не мешает.

Скулатый никогда не держал Кулона за дурака, а потому понимал, что любой разговор с ним стоит вести крайне осторожно. Как бы он чего не просек. Вчерне план у Скулатого был уже готов. Но только вчерне. Избавляться нужно было от всего и ото всех. Причем одним махом. Рубишь гордиев узел, ноги в руки – и ходу. Момент для этого самый подходящий. Бабки есть, сильные мира сего только и ждут команды вцепиться друг другу в глотки. Что ж, он охотно подтолкнет их к этому.

– Ребята они не местные. – Он демонстративно смотрел не на Кулона, а в сторону. Говорил нехотя, через губу. – К тому же лохи. Невооруженным глазом видно. Таких надо использовать по полной программе, Кулон. И в расход. Чувствуешь, к чему я клоню? Корейца завалим. Это без проблем. Но Черкес с Рашпилем засветятся. Куда их потом девать?

– Ну, и пускай в расход. Я уже понял, – раздраженно откликнулся Кулон, не врубаясь, что от него нужно Скулатому.

– Нет, не понял. – Тот покачал головой. – Я же говорю, прежде чем в расход пустить, надо их по полной… Пусть завалят твоего борова. – Скулатый кивнул в том направлении, где скрылся «БМВ» Синякина. – А потом и их заколотим в деревянные бушлаты. Одним выстрелом двух зайцев. Плохо, что ли?

Кулон призадумался. В том, что говорил Скулатый, бесспорно было зерно истины. Задачка решалась просто и неприхотливо. Но настораживало другое. Какой с этого понт самому Скулатому? Чего он так суетится? Кулон привык не доверять в этом мире никому, кроме себя самого.

Скулатый словно прочел его мысли.

– Не-е, смотри сам. Мне, конечно, до фонаря, – скучающим тоном произнес он. – Просто тяжко смотреть, как ты маешься. Да и дело ли это – во всем зависеть от такого твердолобого осла. Не будет твоего Синякина, постепенно все его контакты к тебе перетекут. А куда им деваться? И, считай, дело на мази.

– А на первое время где мы товар возьмем? – Кулоном овладели противоречивые чувства. – Клиента потеряем, потом хрен наверстаешь…

– А про Корейца забыл? – Скулатый выплюнул жвачку и сухо откашлялся. – После того как мы с ним разделаемся, куда пойдет его товар?

На губах Кулона заиграла улыбка. Теперь он был абсолютно уверен в правоте слов подельника. Момент самый подходящий. И Кулон решился.

– Только разговаривать с этими ребятами буду я, – поставил он жесткое условие.

– Как скажешь. Я и не претендую. Только сначала я опробую их на Корейце.

– Сегодня?

– Сегодня или завтра.

– Годится. А что с деньгами Михайловского? – словно только сейчас припомнил Кулон, хотя он все время держал этот вопрос в голове. Спуску своим подчиненным Кулон старался не давать ни при каких обстоятельствах.

И Скулатый знал об этом лучше, чем кто бы то ни было.

– Деньги будут, Кулон.

– Когда?

– Скоро. Дай мне еще несколько дней.

– Несколько – это сколько? – не отставал Кулон.

– Пять.

К этому моменту Скулатый рассчитывал уже прибрать к рукам ту крупную партию героина, о которой ему говорили Рашпиль с Черкесом. А может, удастся провернуть это дело еще более благополучно. И не придется делиться барышами с Кулоном. Скулатый на это очень рассчитывал. Делиться он не любил. Никогда и ни с кем. Мысленно в этот момент он уже прикидывал, кого из своих пассий взять с собой в Швейцарию. Именно туда Скулатый и рассчитывал отправиться первым делом. Швейцария давно манила его теми рассказами, которые он слышал от приятелей. Осесть там на некоторое время было бы отлично. А потом… Потом видно будет. Вероятнее всего, в качестве спутницы ему идеально подойдет Тамара. Опять же на первое время. А там, глядишь, подвернется еще кто-то, поприличнее, и Тамарку можно будет бортануть. Дескать, извини, подруга, нам не по пути. Да что там… Он и объяснять ей ничего не станет. Но сейчас Скулатый не хотел загадывать так далеко.

Усилием воли он выдернул себя из грез и встретился глазами с цепким пронзительным взглядом Кулона, направленным прямо на него.

– Это много?

– Нет, нормально. Но только пять дней. – Кулон предостерегающе поднял вверх указательный палец. – Не забудь.

– Не забуду.

– Ну вот и славненько, – подвел черту Кулон и тут же переключился на более насущные проблемы: – Ты не хочешь где-нибудь перекусить? Жрать хочу – помираю. А без компании вроде как западло.

– Я бы с удовольствием. Но у меня еще дела, Кулон. Надо основательно подготовиться к выяснению отношений с Корейцем.

– Ясно. Ну, тогда удачи.

– И тебе. Созвонимся.

Они пожали друг другу на прощание руки, и Скулатый направился обратно к своему «Фольксвагену». Сел за руль, воткнул заднюю передачу и, развернувшись на проезжей части, укатил в ту сторону, откуда приехал. Едва в зеркальце заднего вида исчезла фигура Кулона, он достал мобильник и набрал номер.

– Я сейчас буду… Да, минут через десять. Разумеется, один… Хорошо, до встречи. – Сделав сброс, Скулатый тут же вызвал нового абонента. – Таран, это я. Все остается в силе. Еду на стрелку. Да, в том же месте, как я тебе и говорил. Бригадир с тобой?… Отлично. Тогда не медлите и прямо сейчас рвите когти к «Дэниэлю». Я буду там минут через десять. Да, уже раньше… Держитесь неподалеку, и если что… В общем, ты понял. Я полностью полагаюсь на тебя, Таран. Да… Все. Давай…

Скулатый убрал трубку в карман брюк, так, чтобы в момент крайней необходимости телефоном можно было воспользоваться молниеносно.

Через семь минут он уже припарковался на стоянке перед «Дэниэлем». Машину Корейца узнал сразу. Водитель находился в салоне, но сидел с закрытыми глазами, откинувшись на подголовник кресла. Скулатый прошел мимо него и зашел внутрь ресторана. Швейцар на входе отлично знал его, а потому приветливо кивнул головой. Скулатый кивнул ему в ответ. Швейцар показал на проход к бару. Скулатый направился туда. Как он и ожидал, посетителей в баре было всего двое. Сам Кореец и его верный телохранитель, один из тех, с кем он являлся на встречу с Кулоном. Смуглый коренастый паренек лет на пять младше Корейца, с маленькими раскосыми глазами. Оба сидели на высоких кожаных табуретах спиной к входу и негромко разговаривали. Бармен за стойкой отсутствовал.

Скулатый направился к ним, и звук его шагов заставил их обернуться. Кореец спрыгнул с табурета и оказался лицом к лицу со Скулатым. Руки для приветствия он не протянул.

– В чем дело? – Тон его был грубым и отрывистым. – Зачем ты хотел меня видеть? Все, что у меня было сказать Кулону, я сказал в прошлый раз. Встретимся в Измайловском и подведем итоги… Или он передумал?

– Я пришел не от лица Кулона, – ответил Скулатый. – Я сам от себя. У меня к тебе дело частного характера, Кореец.

Тот усмехнулся.

– С каких это пор шавки Кулона ходят сами от себя?

Скулатый подавил в себе рвущееся наружу раздражение. Несколько раз глубоко вздохнул. Дело было превыше всего. И его эмоции должны были отступить на второй план.

– У меня есть товар, – сказал он после недолгой паузы. – Я хочу его продать. Хорошая качественная партия, и недорого. Можешь на этом нехило подняться, Кореец…

– Почему ты предлагаешь эту сделку мне? – Кореец подозрительно прищурился.

Кожаное сиденье табурета, на котором сидел его телохранитель, скрипнуло. Парень спустил ноги, готовый предпринять атаку, если в этом возникнет необходимость. Скулатый не мог не заметить этого. Но он и сам прекрасно знал, насколько рискует, отправляясь на эту встречу.

– А кому мне еще ее предложить? – ответил он вопросом на вопрос. – Кулону? Я хочу продать товар у него за спиной.

– Откуда у тебя товар?

– Это не важно. Продаю, значит, есть.

– Героин?

– Конечно.

– И сколько?

– Семь килограммов.

– Ого! – Кореец присвистнул. – Нехилая партейка. Да ты, оказывается, серьезный делец, Скулатый. Работаешь по-крупному.

Скулатый недовольно повел плечами. Он предполагал, что разговор с Корейцем не пройдет гладко, но меньше всего ему улыбалось выслушивать язвительные нападки и оскорбления в свой адрес.

– Не вижу поводов для иронии, – жестко отрубил он. – Тебя интересует такая сделка?

– Семь килограммов героина? – почти нараспев повторил Кореец, словно смакуя это словосочетание. – И сколько же ты за них просишь?

– Четыре.

– Четыре? – удивление Корейца было неподдельным. – Это что, какой-то левый товар? Откуда такие цены?

– Товар отличный, – безапелляционно заявил Скулатый, нисколько не задумываясь над тем, что он сам еще этого товара и в глаза не видел. – Высшего качества. Просто мне срочно нужны бабки, и я хочу слинять из этой страны.

Вернулся бармен, и телохранитель Корейца заказал себе выпить. И только когда тот протянул ему бутылку, Скулатый заметил, что это безалкогольное пиво. Нервы были напряжены до предела. Тем временем сам Кореец неторопливо вынул из кармана пачку «Джэтенс», взял одну сигарету и прикурил от дорогой, инкрустированной рубинами зажигалки.

– Смахивает на провокацию, – проговорил он, глубоко затягиваясь. – Почему я должен тебе верить? Какие гарантии, что все то, о чем ты сейчас говоришь, не провокация со стороны Кулона?

– Разговор о четырех «лимонах» – это еще не все. Я отдам тебе партию только в том случае, если ты отменишь завтрашнюю стрелку с Кулоном в Измайловском. Позвони ему и скажи, что тебя устраивают условия. Пока…

– Не понял. – Кореец нахмурился. – А тебе-то какой от этого понт?

– Замести следы, – признался Скулатый. – Хочу, чтобы все было тихо до тех пор, пока я не свалю отсюда. Без напрягов. Так ты как, Кореец? Подписываешься? Навар-то у тебя нехилый получится. Глупо было бы отказаться. А если ты за качество гонишь, так я ж с тебя не сейчас лавэ требую. Встретимся, посмотришь, проверишь все. Можешь даже взять немного на пробу. А потом уже и по бабкам…

Кореец неторопливо затянулся. Один раз, второй, третий. И при этом не сводил глаз с лица Скулатого. По его мнению, доверять этому человеку было бы серьезной ошибкой. Кореец знал, как давно Скулатый работает с Кулоном, и в его понятия о бизнесе подобный финт не укладывался.

– А завтрашнюю стрелу я уже отменю? Так? – спросил он.

– Так, – кивнул Скулатый.

– А потом окажется, что никакого товара и нет.

– Брось! Я понимаю ход твоих мыслей. Но если рассуждать здраво, я ничего не выигрываю, кидая тебя. Забьешь стрелу Кулону не завтра, так через неделю. Хрен редьки не слаще.

Кореец повернул голову и с неудовольствием отметил, что бармен за стойкой внимательно прислушивается к их разговору. Честно говоря, этого парнишку в «Дэниэле» Кореец видел впервые. Черт его знает, кто такой?…

– Давай-ка, выйдем на улицу, Скулатый. На два слова, – предложил он.

Тот равнодушно пожал плечами, и Кореец, расценив этот его жест как знак согласия, направился к выходу из бара. Щелкнул пальцами, и его телохранитель, спрыгнув с табурета, устремился следом. Скулатый тоже покинул бар, мысленно уже проклиная себя за идею сговориться с Корейцем. Сейчас он чувствовал, что ничего хорошего из этого не выйдет. И о чем он только раньше думал?… Но какой тогда выход? Мочить Корейца? Кулон ведь ясно дал ему понять, что доводить дело до стрелы в Измайловском ни в коем случае нельзя. Проблема должна быть улажена раньше…

Они все трое вышли на улицу и оказались на парковочной стоянке. Кореец остановился и развернулся к Скулатому лицом. Его телохранитель вроде бы случайно занял позицию за спиной представителя конкурирующей группировки. Кореец бросил окурок себе под ноги и раздавил его острым носком ботинка.

– Значит так, Скулатый, – сказал он, и его глаза превратились в тонкие щелочки. – Я уже обо всем подумал. Мне не требуется для этого слишком много времени. Решения принимаю практически мгновенно. На том и стою, как говорится.

– Ну и? Без словоблудий?

– Мой ответ: «нет», – жестко произнес Кореец.

– Могу я узнать почему?

Вопрос был лишним. Скулатый и сам это понимал. Но своим категорическим отказом Кореец автоматически запускал план «Б», к которому Скулатый, по большому счету, был готов. Но на его запуск требовалось немного дополнительного времени. Спокойно опустив руку в карман брюк, Скулатый нажал на мобильнике кнопку вызова последнего абонента. Таран с Бригадиром должны быть где-то поблизости. Сигнал прошел.

– Я считаю, что базар о товаре в семь кило – чистой воды лажа, – ответил Кореец. – Ты просто пытаешься пустить мне пыль в глаза. Это напрасно. Я – не новичок, Скулатый… А насчет стрелы ты не прав. Отменив завтрашнюю, я много чего теряю. Кулон решит, что я спасовал. Испугался войны с ним. И слух пойдет, что Кореец – барахло. А это уже совсем

другая пристройка. Ты ведь и сам это понимаешь? Да, Скулатый? Раскусить твою задумку было несложно. Так что извиняй…

– Я не собирался тебя кидать. – Скулатый отжал кнопку на телефоне и едва заметно скосил глаза в сторону. – Напротив, я думал, что мое предложение будет выгодно всем. Но «нет», так «нет». Никаких претензий, Кореец.

С соседней улицы резво вырулил темно-синий «Опель» и устремился к «Дэниэлю». Несущийся на предельной скорости «Опель» сбил заградительный шлагбаум и ворвался на территорию парковочной стоянки. Взвизгнули тормоза, автомобиль крутнулся на месте, и в заднее раскрытое окошко высунулось черное дуло автомата. За секунду до этого Скулатый бросился в сторону и распластался на асфальте, найдя надежное укрытие за корпусом стоящего рядом серебристого «Хендая». Следом за ним рванул и Кореец. Его телохранитель выхватил пистолет, но было уже поздно. Воздух разрезала оглушительная автоматная очередь, и верный пес Корейца рухнул, как срубленное под корень дерево. Тело его затряслось в конвульсиях. Из машины Корейца мгновенно выскочил водитель и шарахнул по «Опелю» из крупнокалиберного ствола. Со звоном разлетелось лобовое стекло. Скулатый услышал душераздирающий вопль Бригадира. Зацепило… Водитель Корейца выстрелил еще раз.

Скулатый сунул руку за брючный ремень, выхватил ствол и выкатился на открытое пространство с противоположной стороны «Хендая». «Опель» стоял на том же месте, а из раскрытой дверцы со стороны водителя свисало окровавленное тело Бригадира. Он еще дышал и даже сжимал в правой руке пистолет, но оказать какого-либо сопротивления противнику уже не мог. Жизнь ускользала из него с каждой пролитой каплей крови. Тарана в салоне «Опеля» не было. Он вынырнул из-за корпуса автомобиля со стороны багажника и дал еще одну очередь по машине Корейца. Пули лишь градом осыпались на металлическую крышу. Скулатый откатился еще дальше и взял на прицел водителя Корейца. Плавно спустил курок и почти физически ощутил, как пуля попала в цель. Голова водителя дернулась, а затем он сам завалился набок и замер на асфальте в неподвижной позе. Таран выскочил из своего укрытия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.